

С. БОРЗЕНКО
Н. ДЕНИСОВ

НАШ БУДЕННЫЙ

ГЕРОИ СОВЕТСКОЙ РОДИНЫ

ГЕРОИ СОВЕТСКОЙ РОДИНЫ

С. БОРЗЕНКО
Н. ДЕНИСОВ

НАШ БУДЕННЫЙ

Издательство политической литературы · Москва · 1974

355С
Б82

Борзенко С. А. и **Денисов Н. Н.**
Б82 Наш Буденный. М., Политиздат, 1974.

127 с. с ил. (Герои Советской Родины).

Книга журналистов С. Борзенко и Н. Денисова кратко рассказывает о славном боевом пути талантливого полководца, трижды Героя Советского Союза Семена Михайловича Буденного.

Солдат революции, командарм легендарной 1-й Конной, виднейший военачальник Советских Вооруженных Сил, он мужественно защищал завоевания Великого Октября в сражениях с врагами на полях гражданской и Великой Отечественной войн, до последнего дня своей жизни верно служил Коммунистической партии, народу, социалистической Отчизне.

Б $\frac{10604-214}{079(02)-74}$ **228—74** 355С

Пожалуй, нет в нашей стране человека, который бы не слышал о трижды Герое Советского Союза Семене Михайловиче Буденном. Многим людям старшего поколения довелось вместе с ним делить боевые невзгоды и радость побед на фронтах гражданской войны. Другие, более молодые, служили в рядах армий, сражавшихся с врагом на полях тех стратегических направлений, где войсками в суровую пору Великой Отечественной войны командовал Маршал Советского Союза С. М. Буденный. Юное поколение знает легендарного советского полководца, этого необыкновенного человека, вышедшего из народных глубин и отдавшего служению народу всю жизнь, по кинофильмам, пьесам и песням, по его автобиографическим книгам.

Солдатский вожак

Род Буденных происходит из малоземельных крестьян Воронежской губернии. После отмены крепостного права дед Иван со всей своей семьей в поисках сносной жизни перекочевал на Дон и вместе со старшим сыном Михаилом стал батрачить у богатых казаков, переходя из станицы в станицу. Женившись на крестьянке, тоже из бывших крепостных, Меланье Никитичне Емченко, девушке умной и работящей, Ми-

хаил Буденный поселился неподалеку от станицы Платовской на хуторе Козюрин. Там 25 апреля 1883 года в его семье и родился мальчик. Назвали его Семеном.

Безрадостным было детство сына батрака. В девять лет его определили мальчиком на побегушках в магазин купца Яцкина. С утра до ночи выполнял грязную и зачастую непосильную работу: мыл полы, чистил хозяйскую обувь, колол дрова, таскал из колодца воду, а когда немного подрос, купец послал его в кузницу. Там ремонтировали плуги, ковали коней, изготовляли подковы. Подросток запомнил день, когда ему удалось отковать подкову. Бородатый старик кузнец, одобрив работу, сказал:

— Возьми ее себе на счастье...

Но до счастья было еще далеко. Пришлось поработать у того же купца Яцкина на локомобильной молотилке смазчиком, кочегаром, машинистом. Осенью 1903 года его призвали в армию, определили в конницу и в начале русско-японской войны направили в далекую Маньчжурию. Семен Буденный стал рядовым 46-го казачьего полка, участвовал в боях.

Когда война окончилась, Буденного перевели в Приморский драгунский полк, квартировавший неподалеку от Владивостока. Докатившееся сюда эхо расстрела рабочих у Зимнего дворца и баррикадных боев на Красной Пресне в Москве будоражило солдат. Сильное впечатление на Семена Буденного произвела листовка, в которой было написано: «Земля должна принадлежать тем, кто ее обрабатывает!» В тот тревожный год он впервые услышал о большевиках, про которых солдаты, таясь начальства, говорили шепотом.

Воинскую службу молодой драгун нес исправно и вскоре стал одним из лучших в полку наездников и фехтовальщиков. В 1907 году его направили в Петер-

бургскую школу наездников при Высшей офицерской кавалерийской школе. Заманчиво было побывать в столице, да и учеба давала преимущества при увольнении в запас. Наездник, отслуживший срок действительной службы в армии, мог поступить берейтором на конный завод, а их на Дону было немало.

Столица поразила Семена Буденного социальными контрастами: пышностью дворцов и нищетой заводских окраин. В первое свободное воскресенье, начистив до блеска сапоги, драгун пошел на Дворцовую площадь и, любуясь красотой Зимнего дворца, невольно бросал взгляды на мостовую, словно ожидая увидеть следы невинной крови, пролитой тут в январе 1905 года. С гранитной набережной Невы он долго смотрел на Петропавловскую крепость, в сырых казематах которой, как сказал знакомый рабочий-путиловец, томились лучшие люди России...

На занятиях в школе наездников Семен Буденный получал отличные оценки, а на конных состязаниях занял первое место. Ему присвоили звание младшего унтер-офицера. Хотелось закончить второй год обучения, чтобы остаться в школе инструктором-наездником, но не пришлось. Отозвали драгуна в полк, и он снова пересек всю Россию, едучи из города на Неве под Владивосток.

Когда срок действительной службы в армии истек, Семен Буденный остался в полку сверхсрочником. Чем мог — помогал родителям. Письма от них приходили редко. Были в них бесконечные поклоны да жалобы на житье-бытье. Хотелось повидать отца с матерью, и летом 1914 года старший унтер-офицер, получив кратковременный отпуск, отправился в станицу Платовскую, куда перебралась вся семья. Там, на Дону, и застала его первая мировая война.

Вместе с мобилизованными из запаса сверхсрочника Семена Буденного направили в Армавир, к ме-

сту расквартирования запасного драгунского дивизиона. А вскоре он оказался на фронте — его определили взводным унтер-офицером 5-го эскадрона в 18-й Северский драгунский полк Кавказской кавалерийской дивизии. И вот первое боевое задание: во главе взвода провести разведку в районе польского местечка Бжезины. Лихой взвод захватил в плен около двухсот вражеских солдат, двух офицеров и десятки повозок с обмундированием. Все солдаты получили георгиевские медали «За храбрость», а старшего унтер-офицера Семена Буденного отметили Георгиевским крестом 4-й степени.

Но недолго он носил этот знак отличия. Вскоре кавалерийскую дивизию перебросили на Кавказ в район Тифлиса. Здесь и произошло событие, едва не стоившее Буденному жизни. Защищая интересы солдат, Семен Михайлович поссорился со своим начальником — вахмистром и в запальчивости ударил обидчика.

— Не выдадим тебя, Семен,— в один голос сказали солдаты.

Обозленный вахмистр пожаловался начальству. Но на все расспросы полкового следователя солдаты отвечали, что вахмистра, мол, ударил норовистый конь. Через неделю драгун построили в каре, вынесли полковой штандарт. Послышалась команда:

— Старшему унтер-офицеру Буденному на середину, галопом, марш!

Драгуны замерли. Адъютант полка зачитал приказ, в котором говорилось, что за совершенное преступление Буденный подлежит преданию полевому суду и расстрелу... Офицер сделал паузу и продолжал:

— Но, учитывая честную и безупречную службу, решено: под суд Буденного не отдавать, а ограничиться лишением его Георгиевского креста 4-й степени.

Вздох облегчения пронесся по рядам: Семена Буденного любили в полку.

В конце 1914 года Кавказская кавалерийская дивизия походным порядком выступила на русско-турецкий фронт. Шли ускоренным маршем по размытым горным дорогам вдоль персидской границы. В первом же бою, под городом Ван, Семен Буденный отличился. Его взвод проник во второй эшелон турецких войск и атаковал трехпушечную батарею. Орудийные расчеты были порублены, а новенькие пушки конной тягой вывезены в расположение 18-го драгунского полка. За дерзкую вылазку «проштрафившийся» унтер снова был награжден Георгиевским крестом 4-й степени.

После взятия города Ван дивизию погрузили в товарные вагоны и перебросили в Баку, оттуда — через Дон на Украину, в тихий, зеленый городок Проскуров, а из Проскурова — опять в Баку. Зачем нужны были такие переброски, никто не мог взять в толк. В Баку Кавказскую кавалерийскую дивизию включили в состав экспедиционного корпуса и на пароходах через Каспийское море переправили в Персию.

В середине января 1916 года дивизия походным порядком двинулась на Багдад. Нищета персидских деревень поражала солдат. Во время привалов и дневок они отдавали голодным женщинам и детям хлебные пайки, отсыпали из седельных торб горсти овса. Бескорыстная доброта драгун к бедному люду вызывала недовольство начальства. Оно запрещало это делать, но Семен Михайлович словно не замечал милосердия подчиненных и, вспоминая о своих многочисленных племянниках и племянницах, сам норовил сунуть босоногим мальчишкам и девчонкам то кусок сахару, то ржаной сухарь.

Узнав о движении русских войск, турецкое командование приняло все меры к тому, чтобы задержать

их. Отряды врага днем и ночью нападали на колонны и обозы. В стычках этих Семен Буденный показал мастерство владения оружием, незаурядную храбрость и был награжден еще одним Георгиевским крестом, теперь уже 3-й степени. Много драгун погибло на пути в Багдад. Но Семен Михайлович был неуязвим, ибо не было равного ему по ловкости, лихости и точности сабельного удара. Его взводу пришлось самостоятельно действовать в тылу противника. Весь взвод получил награды, а старшего унтер-офицера Семена Буденного отметили Георгиевским крестом 2-й степени.

Под Керманшахом экспедиционный корпус, натолкнувшись на сильное сопротивление противника, перешел к обороне. Турецкое командование наращивало силы, к линии фронта выдвигались свежие части, и в это время особенно нужны были «языки». Однажды с четырьмя солдатами под покровом ночной темноты через заграждения из колючей проволоки Семен Буденный проник в расположение противника. Лазутчики скрытно добрались до третьей линии траншей, захватили шестерых солдат и старшего унтер-офицера. За этот подвиг Семен Буденный был награжден Георгиевским крестом 1-й степени и таким образом стал обладателем полного банта георгиевского кавалера.

Весь 1916-й и начало 1917 года Кавказская кавалерийская дивизия провела на чужбине. Вести с родины приходили редко, в них чувствовалась тревога. В немногочисленных письмах, получаемых драгунами из дому, угадывалось, что в народе нарастает недовольство и войной, и самодержавием. Солдаты все чаще задумывались над своей нелегкой долей. Они жаждали мира, рвались домой, в родные места. Подобные чувства все больше охватывали и Семена Буденного.

В марте 1917 года дивизию отвели с фронта, сосредоточили в порту Энзели (Пехлеви). Предстояла переброска на Западный фронт. Грузились на транспортные суда весело, с песнями. На какое-то время все опасности войны оставались за горами. В портовой сутолоке от одного из драгун, только что прибывшего в полк, Семен Михайлович узнал, что в России революция:

— Царю дали по шапке, повсюду митинги и красные флаги...

Весть эта произвела впечатление разорвавшейся бомбы. В случившееся верили и не верили — по слухам, революция свершилась добрых две недели назад, а в полку все оставалось по-прежнему. Но после погрузки командир эскадрона, построив людей, объявил:

— Император Николай II отрекся от престола. Создано Временное правительство, на него возложено управление страной до созыва Учредительного собрания.

Пока плыли через бурное Каспийское море, среди драгун шли споры о революции: какая она и что даст трудовому народу? Все радовались — раз нет царя, значит, скоро конец войне. А когда суда причалили к пирсам бакинской пристани и началась разгрузка, среди солдат появились люди в штатском; они призывали поддерживать Временное правительство и довести войну до победного конца. И в порту, и на станции железной дороги, где грузились воинские эшелоны, Семен Михайлович прислушивался к разговорам офицеров. Многие из них говорили, что России нужен сильный диктатор, возражали против создания солдатских комитетов, ратовали за продолжение войны до победного конца. Все услышанное и увиденное не могло не волновать, заставляло задумываться, искать среди солдат единомышленников, а

возвращение в памятные места под Тифлис, где его едва не расстреляли за бунтарство, придавало мыслям Семена Михайловича живость и остроту. Он становился одним из многих тысяч солдат, помышлявших о борьбе за свободу.

В Екатеринофельде, в сорока верстах от Тифлиса, полк заставили присягнуть Временному правительству. Были проведены выборы в эскадронные, полковые и дивизионный солдатские комитеты. На эти выборы в полк прибыл большевик Филипп Махарадзе, произнес горячую речь, зло высмеяв тех, кто требовал проливать солдатскую кровь за интересы капиталистов и помещиков. На выборах Семен Михайлович впервые услышал о вожде трудящихся Владимире Ильиче Ленине.

— Выбирайте в свои комитеты,— призывал Филипп Махарадзе,— тех, кому верите, тех, кто хочет мира!

Драгуны 5-го эскадрона, отдавая должное храбрости и справедливости Семена Михайловича, видя в нем кровного товарища-хлебороба, единодушно выбрали его председателем эскадронного солдатского комитета. А на собрании полка избрали и членом полкового солдатского комитета. Теперь Семен Михайлович стал жить интересами не только своего взвода и эскадрона, но и всего полка.

В первых числах июля 1917 года Кавказская кавдивизия прибыла в Белоруссию. Была бурная пора. По настоянию большевиков начались перевыборы солдатских комитетов, изгнание из них приверженцев войны до победного конца. Солдаты крепко доверяли Семену Буденному и выбрали его председателем полкового комитета, а вскоре пришлось исполнять обязанности и председателя дивизионного комитета. За несколько месяцев масштабы деятельности Семена Михайловича возросли от взвода до дивизии.

Работать было трудно. Возникали тысячи вопросов. И тут на помощь пришла военная организация большевиков Западного фронта. Еще в первые дни пребывания на новом посту Семен Михайлович познакомился с М. В. Фрунзе, известным ему тогда по партийной кличке Михайлов. М. В. Фрунзе был председателем Совета крестьянских депутатов Минской и Виленской губерний, а также членом фронтового комитета армий Западного фронта. Он и большевик А. Ф. Мясников связали С. М. Буденного с Минским горкомом партии, приглашали на заседания большевистского Совета рабочих и солдатских депутатов. Встречаясь с большевиками, читая рекомендованные ими брошюры, молодой выдвиженец солдатских масс постигал основы большевистской науки, учился поступать так, как подсказывало классовое сознание. Еще не став членом партии, он всем сердцем начал разделять ее идеи и в меру сил проводил их в жизнь.

Непрерывно возникали конфликты между солдатами и офицерами. Ежедневно в солдатский комитет поступали сведения о случаях самодурства офицеров, об ущемлении прав рядовых. Пришло сообщение из Гомеля. Тамошний военный комендант писал, что в городе бунтуют команды выздоравливающих. По распоряжению штаба дивизии туда для подавления «бунта» была направлена 1-я кавалерийская бригада. Когда эшелоны прибыли в Гомель, С. М. Буденный, как председатель дивизионного солдатского комитета, энергично посоветовал повременить с разгрузкой и направился в местный солдатский комитет. Убедившись, что самоуправство гомельского военного коменданта не знает границ, предложил комитетчикам действовать решительно—созвать солдатский митинг.

— Ишь ты, собрать митинг,— засомневались те.— Соберемся все в одном месте, а вы нас в шашки...

— Не опасайтесь... Этого не случится,— твердо пообещал Семен Михайлович.

Митинг собрали на другой день. На площадь прискакал комендант. Он взобрался на трибуну и, размахивая наганом, начал ругать солдат, угрожая перестрелять «бунтовщиков». Наглое выступление кончилось для коменданта плачевно. Разъяренные солдаты закололи штыками обидчика: слишком сильна была ненависть к приверженцам старых порядков.

В Гомеле С. М. Буденного разыскал посланец от М. В. Фрунзе и сообщил, что с фронта на Петроград движется так называемая «дикая» дивизия, укомплектованная в основном горцами из Осетии, Дагестана и других районов Кавказа. С помощью ее и других войск корниловцы намереваются ликвидировать Советы в Петрограде и установить военную диктатуру в стране. Революционные рабочие и солдаты задержали эшелоны этой дивизии на станции Дно, но контрреволюционеры пытаются пробиться к Питеру другими путями. Связной передал приказ большевистской организации Западного фронта — во что бы то ни стало разоружить «дикую» дивизию.

Обстановка сложилась острая, действовать надо было немедленно. Семен Михайлович известил о полученном задании председателей полковых солдатских комитетов и заручился их поддержкой. В пути следования бригады к Орше, через которую должны были проходить эшелоны «дикой» дивизии, в вагоне, где собрались комитетчики, неожиданно появился М. В. Фрунзе. Он подтвердил все сказанное связным и сообщил, что по предложению большевиков в эту дивизию послана горская делегация.

— В крайнем случае, если потребуется,— сказал он,— применяйте силу. Но прежде всего постарайтесь объяснить солдатам, чем вызвана необходимость их разоружения.

М. В. Фрунзе советовал по прибытии в Оршу связаться с местным ревкомом, который уже извещен о предстоящем событии, и с железнодорожниками выработать совместный план действий. Так и сделали. В Орше бригада, руководимая солдатским комитетом, выгрузилась и приняла боевой порядок, держа под прицелом все здания, пути, перроны. Железнодорожники же, облегчая выполнение задачи, увеличили интервалы прибытия эшелонов с частями «дикой» дивизии. И вот подкатил первый эшелон. Большевики направились в вагоны. Против ожидания горцы легко расстались с огнестрельным оружием, но шашки и кинжалы оставили при себе. И так происходило с каждым из прибывающих эшелонов. Задача, поставленная М. В. Фрунзе, была выполнена.

Поздней осенью 1917 года в войска Западного фронта пришла радостная весть — в Петрограде революционный пролетариат, солдаты и матросы под руководством большевиков взяли власть в свои руки. Великая Октябрьская социалистическая революция свершилась! По рукам солдат ходили подписанные Председателем Совета Народных Комиссаров В. И. Лениным декреты о земле, о мире. Всех неудержимо потянуло домой, к семьям, к земле, которую Советская власть отдавала крестьянам. Солдатский комитет Кавказской кавалерийской дивизии принял решение о демобилизации. Ежедневно в переполненных до отказа теплушках из Минска уезжали драгуны.

В суматохе демобилизационных забот Семена Михайловича Буденного не оставляла тревожная мысль: что делать дальше? На фронте еще продолжались кровопролитные бои, но многие казачьи полки походным порядком уходили на Дон и Кубань, куда, по слухам, со всех сторон съезжались контрреволюционные офицеры. Классовое чутье подсказы-

вало — на юге России зарождается белое движение, с которым пролетариату и трудовому крестьянству придется скрестить оружие. И когда дивизионный солдатский комитет, отправив демобилизованных, прекратил работу, Семен Михайлович, прихватив винтовку, шашку, револьвер и седло, на попутных поездах тоже двинулся домой — в станицу Платовскую.

По зову партии

Продолжительным оказался путь из Белоруссии на Дон. Страну разъедала разруха. Поезда ходили без расписаний, не хватало топлива, паровозов, вагонов. Вдоль железных дорог рыскали кулацкие банды. Нередко доходило до стычек. Фронтовики крепко держались за оружие, понимая, что судьба России будет решаться в жестокой борьбе. Семен Михайлович не расставался с револьвером, шашкой и винтовкой, а на ночь под голову клал седло.

Положение в стране было сложным. На Украине царила Центральная рада — националистическая организация, поддерживаемая помещиками и кулаками. На Дону оформилось так называемое «войсковое правительство», развертывавшее борьбу против Советов. Сюда со всех сторон слетались царские генералы и офицеры, главари буржуазных партий, участники разгромленного корниловского мятежа.

Прибыв в Платовскую, Семен Михайлович узнал, что там недавно состоялась первая сходка сторонников Советской власти. Станичники, проведав о его знакомствах с большевиками, пришли к нему, чтобы вместе обсудить, с чего начать организацию Советской власти в Платовской.

— Начнем с создания станичного комитета,— посоветовал Семен Михайлович,— он подготовит общее собрание жителей станицы и прилегающих хуторов.

12 января 1918 года состоялось общестаничное собрание. Несмотря на сопротивление кулаков, в Платовской был создан один из первых в Сальском округе Совет. Семена Михайловича Буденного избрали заместителем председателя станичного Совета и направили на близлежащие хутора призывать людей на сторону Советской власти. Туда, где жило много калмыков, вместе с ним ездил и Ока Иванович Городовиков. Убедительное слово, сказанное по-калмыцки, горячо звучало на хуторских сходках.

Через месяц Семен Михайлович в числе шести делегатов от Платовской направился на окружной съезд Советов в станицу Великокняжескую. Съезд проходил бурно. Противники нового то и дело хватались за шашки и наганы. Но во всем Сальском округе была провозглашена Советская власть. В окружной Совет рабочих, крестьянских, казачьих и солдатских депутатов вошли двадцать девять человек. С. М. Буденного избрали членом президиума и заведующим окружным земельным отделом.

Политическая обстановка на юге накалялась. Походный атаман Войска Донского генерал Попов объединил отряды казаков и юнкеров; генералы Алексеев и Корнилов продолжали организовывать белое движение. Советской власти на юге угрожала опасность. По решению окружного Совета в станицах создавались краснопартизанские отряды. Но не хватало винтовок, шашек, патронов, коней, и С. М. Буденному поручили заняться вопросами экипировки красных казаков.

Беда пришла быстрее, чем ожидали. Вскоре в Великокняжескую, где тогда работал Семен Михайлович, ворвался отряд карателей. С. М. Буденный с

большим трудом добрался до Платовской. Там он узнал, что и сюда движутся крупные отряды белоказаков. Скрепя сердце партизаны оставили свои позиции, белые заняли станицу. Начались аресты. Всем арестованным угрожала смертная казнь. Такая участь постигла бы и Семена Михайловича, если бы ему не удалось с только что прибывшим братом Денисом — солдатом 252-го пехотного полка — покинуть Платовскую и на конях уйти на хутор Козюрин.

По дороге к братьям Буденным присоединились пятеро верховых: Ф. М. Морозов, Н. К. Баранников, Ф. К. Новиков, Ф. Л. Прасолов, П. А. Батеенко. У каждого — винтовка и шашка. Казаки-фронтовики хорошо знали друг друга: один в бою стоил десятерых. И когда к ним в хуторе Тавричанском примкнули еще семнадцать всадников и командиром группы был избран Семен Михайлович, родился дерзкий план: ворваться в Платовскую, освободить арестованных.

В полночь смельчаки, обойдя заставы белых, скрытно проникли в станицу. Дул сильный ветер, моросил холодный дождь. Из станичного правления выводили на расстрел арестованных. Никем не замеченные, партизаны бесшумно убрали конвоиров и освободили свыше четырехсот заключенных, многие из которых тут же вступили в отряд. Над крышей станичного Совета снова взвился алый флаг. Семена Михайловича радовало, что рискованная операция увенчалась успехом. Вернулся в Платовскую и другой отряд партизан — Т. Н. Никифорова. Оба отряда объединились. Командиром реорганизованного Платовского отряда выбрали Т. Н. Никифорова, а С. М. Буденному поручили командовать кавалерийским эскадроном.

Всю весну 1918 года на Ставропольщине и в Сальских степях красные партизаны боролись с бело-

гвардейскими казачьими формированиями. Отряд провел несколько удачных боев. Его успеху во многом способствовали смелые, энергичные действия эскадрона Семена Михайловича Буденного. Эскадрон пополнялся казаками, возвращавшимися из действующей армии после подписания мирного договора с Германией в Бресте, а также добровольцами из местных жителей и вскоре превратился в кавалерийский дивизион. Командиром дивизиона единогласно избрали С. М. Буденного.

В конце мая 1918 года Донская казачья армия Краснова, созданная и вооруженная с помощью кайзеровских захватчиков, повела наступление против краснопартизанских отрядов. Кавдивизиону на подступах к Платовской вновь пришлось драться с численно превосходящими силами противника, вторично освобождать станицу от белоказаков. Однако успех был кратковременным. Вернись белые в Платовскую — и семье Буденных несдобровать. Отец, мать и сестры Семена Михайловича покинули дом. Меланья Никитична хотела увести с собой и младшего сына Леонида, но тот раздобыл винтовку, несколько обойм патронов и упросил командиров взять его в красный отряд. Теперь четыре брата Буденных сражались за Советскую власть!

Краснопартизанские отряды, действовавшие на Дону, стремились к станции Куберле, под защиту бронепоездов, построенных рабочими Донбасса. Там разрозненные партизанские силы объединились в крупный отряд. Кавалерийский дивизион пополнился конницей. Командиром переформированного дивизиона был назначен бывший вахмистр Борис Думенко, а его заместителем — Семен Буденный.

Вскоре под нажимом противника партизанам пришлось отойти в район Зимовников, где был сформирован 1-й Социалистический кавалерийский полк,

ядро которого составила группа революционных казаков, еще в феврале принявшая первый бой с белыми в станице Платовской. Командовать полком поручили также Б. М. Думенко, заместителем командира был С. М. Буденный.

В ту тревожную пору все сторонники Советской власти вместе с семьями уходили на север, к Царицыну. На Волге формировались новые красноармейские части; в Царицыне были рабочие, а также арсенал оружия, боеприпасы. При движении к Царицыну у С. М. Буденного произошла встреча с И. В. Сталиным, возглавлявшим тогда Реввоенсовет Северо-Кавказского военного округа. Случилось это в июле 1918 года на станции Ремонтная.

Командирам частей, прибывшим сюда на совещание, пришлись по душе всадники, приехавшие с передовой, их хорошая строевая выправка и ладные кони. Приехавший вместе с И. В. Сталиным военный специалист, бывший генерал царской армии Снесарев, проверяя знания С. М. Буденного, задал ему несколько вопросов. Он остался доволен ответами и характеризовал конника как толкового командира. И. В. Сталина заинтересовало социальное происхождение С. М. Буденного, его участие в революции. Краткая беседа произвела на обоих хорошее впечатление. И. В. Сталин, имевший дело со многими командирами, выделил из их среды С. М. Буденного — человека самобытного, мужественного, преданного делу революции.

Вскоре Семен Михайлович встретился также с бывшим луганским слесарем Климентом Ефремовичем Ворошиловым, командующим одной из групп войск Царицынского фронта. Встреча положила начало длительному и крепкому боевому содружеству. Конники слышали о К. Е. Ворошилове как о человеке исключительной храбрости, обладающем неза-

урядным военным талантом. Всех восхищало мужество, с каким он провел свои войска по территории, занятой противником — от Луганска до Царицына, семьсот огненных верст. В суждениях К. Е. Ворошилова, в его умении обращаться с людьми Семен Михайлович увидел многое, год назад подмеченное им у М. В. Фрунзе. Да это и понятно: М. В. Фрунзе и К. Е. Ворошилов еще до революции участвовали в партийных съездах, встречались с В. И. Лениным, оба руководили крупными партийными организациями в рабочих центрах России. Воспользовавшись представившимся случаем, командование полка собрало бойцов на митинг. Страстная речь К. Е. Ворошилова произвела на всех очень большое впечатление.

В середине сентября 1918 года 1-й Социалистический кавполк, входивший в 1-ю Донскую советскую стрелковую дивизию, развернулся в кавалерийскую бригаду. Командиром бригады был назначен Б. М. Думенко, а его помощником — С. М. Буденный. Когда части нашей 10-й армии, оборонявшей Царицын, перешли в контрнаступление, бригада нанесла стремительный удар белым под Абганеровом и Гнилоаксайской. С. М. Буденного за эту операцию Реввоенсовет 10-й армии в числе других командиров представил к награждению орденом Красного Знамени и вручил почетное боевое оружие — шашку, откованную из златоустовской стали.

На примерах боев в Сальских степях и под Царицыном С. М. Буденный и другие командиры-конники все больше убеждались в необходимости создания крупных кавалерийских соединений. Но были и противники этого, причем занимавшие весьма высокие посты. На фронт приехал Троцкий, бывший тогда председателем Реввоенсовета республики. После смотра, устроенного кавбригаде, С. М. Буденный вы-

сказал ему свои соображения о формировании крупных кавалерийских соединений.

— У противника много конницы,— сказал он.— Это дает возможность белым широко маневрировать силами и зачастую упреждать наши действия... Нам нужно как можно быстрее создать массовую конницу...

— Вы не понимаете природы кавалерии,— надменно заявил Троцкий.— Это аристократический род войск, которым командовали князья, графы и бароны. И незачем нам с мужицким лаптем соваться в калашный ряд...

Странно было слышать такое утверждение Семену Михайловичу — коннику, уже полтора десятка лет не покидавшему седла. «Да, в царской армии кавалерийскими частями командовали дворяне. Но ведь полки и дивизии — и драгунские, и уланские, и кирасирские, и казачьи — состояли из мужицких сынов. Они-то и есть решающая сила в бою. Так неужели из их среды не могут выдвинуться талантливые командиры?» — думал он.

Успешная операция под Гнилоаксайской, решающая роль конницы в уже прошедших боях еще больше утвердили мнение, сложившееся у С. М. Буденного. Воспользовавшись кратковременной передышкой в боях, он доложил Реввоенсовету 10-й армии свои соображения об организации кавалерийской дивизии. 28 ноября 1918 года приказом по армии кавбригада была реорганизована в Сводную кавалерийскую дивизию. Начдивом назначили Б. М. Думенко, но он вскоре заболел тифом, и обязанности начдива пришлось исполнять С. М. Буденному. Дивизия состояла из двух бригад, командирами которых были О. И. Городовиков и С. К. Тимошенко.

Приближался новый, 1919 год. Положение на фронтах продолжало оставаться тяжелым. Войска

контрреволюции наступали на молодую Советскую республику. Одним из решающих участков борьбы являлся Южный фронт. Задачи действовавших здесь войск состояли в том, чтобы разгромить банды Краснова и Деникина. По решению Центрального Комитета партии на Южный фронт было направлено более двух с половиной тысяч коммунистов, переброшено несколько дивизий. В начале января 1919 года части центрального участка Южного фронта перешли в наступление. Но в то же время положение 10-й армии ухудшилось: захватив Дубовку и отрезав от общего фронта армии камышинский боевой участок, белоказаки вплотную подошли к Царицыну. В этот критический момент командование решило использовать такой сильный резерв, как Сводная кавдивизия. Одна кавгруппа из этой дивизии под командованием О. И. Городовикова была направлена на левый фланг, а другой — под руководством С. М. Буденного — предстояло действиями на правом фланге восстановить положение, соединив камышинский боевой участок с общим фронтом обороны. Новый командарм-10 А. И. Егоров предложил осуществить переброску этой кавгруппы по железной дороге, но С. М. Буденный убедил, что надо следовать в назначенный район походным порядком, под покровом темноты,— это и безопаснее, и быстрее.

— Действуйте. Полагаюсь на ваш опыт,— согласился А. И. Егоров.

В назначенный район конники пришли раньше срока. В стремительном рейде они навязали белым первый бой в районе Дубовки, в неожиданной лихой атаке разгромили четыре кавалерийских и два пехотных полка противника, захватили трофеи.

С. М. Буденного по-прежнему не оставляла мысль о необходимости действий против белых крупными кавалерийскими соединениями. Еще и еще раз обра-

щался он по этому поводу к командованию 10-й армии. И вот наконец пришел приказ об образовании из его кавгруппы и присоединившейся к ней в ходе боев Доно-Ставропольской кавбригады Особой кавалерийской дивизии. На укрепление ее из Царицына прибыл бронеотряд. Во вновь созданной дивизии был организован политотдел.

Сил прибавилось. Буденный все время искал встреч с противником. Разведка доложила: в районе Прямой Балки расположились пять полков красновской конницы и полк пехоты. По-зимнему быстро темнело. В степи мела морозная пурга. Семен Михайлович вызвал командиров:

— Грешно не воспользоваться непогодой и ночной теменью. Беляки наверняка не ждут нас...

23 января в три часа ночи дивизия выступила на Прямую Балку. Ледяной ветер затруднял движение, разыгравшийся буран слепил глаза. Двадцатиградусный мороз загнал белых в хаты. Красные конники окружили село, взяли на прицел все дороги из Прямой Балки. По сигналу атаки эскадроны, сопровождаемые автоброневиками и пулеметными тачанками, ринулись вперед. На улицах Прямой Балки завязался рукопашный бой. Внезапный удар сокрушил противника. Нескольким группам белых удалось бежать в сторону Давыдовки. Преследуя их, буденновцы ворвались в село, захватили обозы, боеприпасы, лошадей.

В Прямой Балке и Давыдовке было порублено до тысячи беляков, взято много пленных, в том числе восемьсот бывших офицеров, действовавших как рядовые. Радовали и добрые трофеи — тринадцать орудий да три десятка пулеметов.

Через два дня, продолжая преследовать противника, части дивизии, соединившись с камышинским боевым участком, выполнили задачу, поставленную

Реввоенсоветом армии. С. М. Буденный был ранен, но остался в строю.

А рейд красных конников продолжался. Описав по тылам врага дугу протяженностью около четырехсот верст, они теперь ударили на Гумрак и, взаимодействуя с другими частями 10-й армии, взяли в клещи крупную группировку красновцев. Разыгрался встречный бой. Несколько тысяч всадников поскакали навстречу друг другу. Эскадроны врезались в эскадроны. Началась сабельная рубка. Красные конники теснили белоказаков к железной дороге, откуда два советских бронепоезда били картечью, вели пулеметный огонь.

Принимая участие в завязавшейся сече, Семен Михайлович ни на минуту не прекращал управления частями. К нему то и дело на взмыленных конях подскакивали связные. Его беспокоило, как бы экипажи бронепоездов случайно не накрыли огнем своих конников. Он решил пробиться с ординарцем к бронепоездам. Пролетая бешеным аллюром сквозь ряды рубящихся, увидел, как белоказаки наседают на командира полка Д. И. Рябышева. Рискуя жизнью, С. М. Буденный бросился на выручку боевому товарищу, отбил занесенные над его головой вражьи шашки.

Совместным ударом конников и пехоты, поддержанной огнем бронепоездов, группировка красновцев была разгромлена. С. М. Буденный доложил по телефону командарму-10:

— Рейдовая операция Особой кавалерийской дивизии завершена.

Успехи Особой кавалерийской дивизии были высоко оценены. Ее наградили Почетным революционным знаменем, а ряд бойцов и командиров, в том числе и С. М. Буденного,— орденами Красного Знамени. Но к этой большой радости в душе Семена Михайловича примешалась горькая, как полынь, пе-

чаль: от Оки Городовикова он узнал о смерти своего отца Михаила Ивановича.

Всю весну 1919 года продолжались бои с белыми, отходившими под натиском 10-й армии на реку Маныч. Особой кавалерийской дивизии в эти горячие дни довелось бить многие части белых генералов. В конце марта 1919 года она была переименована в 4-ю кавдивизию. В состав ее вошли три бригады. Кроме того, в подчинении начдива находились казачий полк и два резервных дивизиона — кавалерийский и артиллерийский. Руководство 10-й армии поручало дивизии выполнение наиболее сложных задач. С. М. Буденный, хорошо знавший возможности своих бойцов и командиров, как правило, в самой острой обстановке всегда находил нужные решения и добивался успеха.

По данным разведки и из оперативных фронтовых сводок он знал, что белые подтягивают конные корпуса Кавказской армии барона Врангеля. Этим крупным силам, словно грозовая туча нависающим над фронтом, надо было противопоставить не менее крупные силы. Но где их взять?

В начале мая, после боев под станицей Великокняжеской, в районе, где располагались части 4-й кавдивизии, появилась 1-я Ставропольская рабоче-крестьянская кавдивизия под командованием И. Р. Апанасенко, сформированная из партизанских отрядов, действовавших на Ставропольщине. С. М. Буденный доложил командарму А. И. Егорову выношенные в глубоких раздумьях соображения о создании Конного корпуса. Реввоенсовет принял решение о формировании такого соединения. 1-я Ставропольская рабоче-крестьянская кавалерийская дивизия была переименована в 6-ю кавдивизию, для усиления ей придавался кавалерийский полк. Устным распоряжением командарма обе кавдивизии — 4-я и 6-я — сводились

в Конный корпус, командование им поручалось С. М. Буденному. Официальный приказ о сформировании Конного корпуса был отдан несколько позднее — во второй половине июня 1919 года. Так в молодой Красной Армии появилось первое крупное кавалерийское соединение. Впоследствии М. В. Фрунзе писал: «На подступах к красной крепости юго-востока России — Царицыну родились, выросли и закалились те бойцы и вожди, которые впоследствии составили ядро 1-й Конной армии. Здесь в жестоких схватках с сильнейшим врагом выработались те приемы и навыки, которые создали славу 1-й Конной армии — лучшей конницы в мире».

Конармейцы — вперед!

Конный корпус был создан своевременно: белые вновь начали наступление на Царицын. Против 10-й армии командующий белогвардейскими силами на юге России генерал Деникин бросил группу войск барона Врангеля, в которую входили усиленные казачьи корпуса генералов Улагая и Покровского, смешанный корпус генерала Шатилова и другие части. Располагая разведывательными данными о ближайших планах противника, намеревавшегося корпусом Улагая перерезать железнодорожную магистраль Тихорецкая — Царицын, командарм А. И. Егоров приказал С. М. Буденному передвинуть Конный корпус в район станицы Граббевской и разгромить белых.

13 мая красные конники настигли части Улагая и завязали бой. Белоказаки начали отступать. До глубокой темноты буденновцы преследовали противника. Сравнительная легкость успеха насторожила Бу-

денного: не заманивает ли его противник, не пытается ли увести с главного направления ударов своих войск? Комкор допросил пленных. Все они были из двух дивизий. А где же третья дивизия корпуса Улагая? Конечно, заманчиво продолжить преследование противника. Но ведь тогда обороняющиеся части 10-й армии могли на какое-то время остаться без своей подвижной ударной силы. С. М. Буденный разгадал хитрость противника. Преследование было прекращено. Корпус вернулся на исходные позиции.

Противник, как и предугадал комкор, собрав силы в кулак, охватил с флангов стрелковые дивизии красных, потеснил нашу пехоту. Надо выручать своих. Конкорпус вышел на тылы белых и, развернувшись в боевой порядок, внезапно всеми частями атаковал врага. Началась жестокая сеча. В этом бою половина пластунской дивизии белых была уничтожена, половина — пленена, а конница рассеяна по степи. Буденновцы взяли богатые трофеи.

Через несколько дней к красным конникам, занявшим оборону на широком фронте по правому берегу реки Маныч, прибыл командарм А. И. Егоров. Побывал в эскадронах, пообедал и потолковал с бойцами, осмотрел коней. Командарм остался доволен корпусом. Его тронула любовная заботливость бойцов о своих боевых друзьях — конях. Он узнал о высокой требовательности Буденного, учившего всадников: «Сначала напои и накорми коня, а затем уже поешь, отдохни сам... Погоняй лошадь не нагайкой, а овсом».

Вместе с командирами-конниками командарм разработал план дерзкой операции, целью которой было отрезать белых, захвативших плацдарм на реке Сал. По этому плану 4-я кавдивизия наносила противнику удар с востока, а 6-я — с запада. А. И. Егоров, который всегда в решительные моменты стремился, нахо-

дясь в гуще боя, показать бойцам личный пример, повел в атаку 6-ю дивизию. Во главе 4-й дивизии с обнаженным клинком скакал С. М. Буденный. Одновременная атака с двух направлений оказалась неотразимой. Белоказаки, переправившиеся на правый берег реки, оказались либо зарубленными, либо взятыми в плен.

Атаки противника на царицынском направлении становились все настойчивее. В первых числах июня корпус занял оборону по правому берегу реки Аксай-Курмоярский и в течение пяти суток вел сдерживающие бои с наседавшими частями белых, прикрывая отход стрелковых соединений армии на новый рубеж обороны. Красные кавалеристы отважно сражались и в конном и в пешем строю. Их успеху во многом содействовали удачно выбранные командиром корпуса позиции, а также насыщенность обороны пушками и пулеметами. В последний день обороны на этом рубеже свои основные атаки белые сосредоточили на фронте 6-й кавдивизии, но, не достигнув успеха, приостановили наступление. Поскольку стрелковые части уже отошли на новые позиции и задача, поставленная перед корпусом, была выполнена, С. М. Буденный решил вывести его из боя. 6-я кавдивизия начала отрываться от противника первой; комкор направился на правый фланг, в 4-ю кавдивизию.

По пути в дивизию, находясь в расположении 1-й кавбригады, он решил окинуть глазом поле боя. Взобравшись на скирду сена, несмотря на наплывавшие сумерки, уловил скрытное движение в стане белых. Их конница под прикрытием садов и балок принимала развернутый боевой порядок. Враг готовился к ночной атаке. Тотчас же было принято решение орудия и пулеметы 1-й кавбригады выдвинуть на передний край обороны, а сабельным эскадронам построиться в два эшелона.

Вражеские полки начали движение. В вечерней тишине слышался звон подков и тихое ржание коней. Бригада открыла беглый огонь из всех пушек. Белая конница, перейдя на галоп, ринулась в атаку. Тогда по ней ударили четыре десятка пулеметов. Первый эшелон белых, наткнувшись на огневой вал, повернул вспять, сшибаясь со следующими за ним вторым и третьим эшелонами всадников. Наступил удобный момент для контратаки. Командир корпуса применил свой излюбленный маневр — послал на фланги пулеметные тачанки. На бешеном карьере расчеты выскочили к холмам и, развернувшись, открыли огонь.

— Шашки к бою! За мной, в атаку, марш-марш! — скомандовал Буденный.

В наступившей темноте началась отчаянная рубка. Увлекшись боем, Семен Михайлович вырвался слишком далеко. Четыре белоказака навалились на всадника, отбившегося от своих.

— Держи, держи его, это комиссар! — кричали они.

— Кого держи, черт бы вас побрал! — подделываясь под казачьего офицера, выругался Семен Михайлович и, приказав следовать за собой, добавил: — Я вам покажу, какой я красный комиссар...

Он произнес эти слова спокойно, набивая патронами опустевшую обойму кольта. А затем так же спокойно несколько раз выстрелил в преследователей — кого-то убил, кого-то ранил и, пришпорив скакуна, умчался в гущу боя.

В непрерывных боях под Царицыном последовательно и настойчиво вырабатывалась новая тактика борьбы с врагом. Буденновцы стремились к активным действиям, внезапным ударам по противнику; они предпочитали нападения с тыла и с флангов. Если враг преимущественно вел бои днем, то буденновцы зачастую навязывали ему ночной бой. Военный опыт

и показания пленных привели к выводу, что белые генералы любят сосредоточивать артиллерию в одном месте. Поэтому красные конники старались первый удар наносить по артиллерийским подразделениям врага. Из захваченных орудий тотчас же открывали огонь по нему. Крупным нововведением в боевой практике буденновцев стали знаменитые пулеметные тачанки. Они внезапно появлялись там, где их меньше всего ждал противник. Повсюду наводя панику, они были надежным огневым средством в руках командования.

Конный корпус все время пополнялся. Выступая перед новыми бойцами, С. М. Буденный говорил:

— Наш корпус — соединение смелых! У нас первое условие, закон такой — идти вперед. Бойцы у нас лихие, кони ладные. Нам нужны герои, беззаветно преданные революции, готовые на смерть за власть Советов...

Каждое выступление С. М. Буденного воспринималось конниками как боевое напутствие. Почти всегда после командира держал речь комиссар корпуса, большевик с дореволюционным стажем, бывший машинист А. А. Кивгела. Дополняя страстные, идущие от сердца выступления комкора, он говорил о партии, о В. И. Ленине, раздвигал перед бойцами широкие горизонты светлого будущего, за которое надо бороться не щадя ни сил, ни самой жизни.

Летом и в начале осени 1919 года на фронтах создалось тяжелое положение. Особенно сложно было там, где наступали войска генерала Деникина, уже назначившего сроки захвата Москвы. В письме ЦК РКП(б) к партийным организациям «Все на борьбу с Деникиным!» говорилось: «Наступил один из самых критических, по всей вероятности, даже самый критический момент социалистической революции». Чтобы отразить наступление Деникина, Центральный

Комитет партии требовал перестроить всю работу на военный лад, превратить молодую Советскую республику в единый боевой лагерь. На фронт для усиления частей Красной Армии направлялись коммунисты и отряды рабочих Москвы и Петрограда.

В конце июля 1919 года на левом крыле Южного фронта была создана Особая группа войск в составе 9-й и 10-й армий, а также Конного корпуса С. М. Буденного. Командующим группой был назначен В. И. Шорин. На нее возлагалась задача нанесения главного удара в глубь Донской области, в общем направлении на Новочеркасск. Развернувшиеся бои были очень тяжелыми. Впоследствии Деникин писал, что этот удар и, в частности, наступление 10-й армии с многочисленной конницей Буденного поставили Кавказскую армию белых в весьма затруднительное положение.

Одним из сильнейших соединений деникинских полчищ был конный корпус генерала Мамонтова. С. М. Буденный слышал о нем, но пока встречаться с мамонтовцами не приходилось. Однажды на хутор Кепинский нарочный из штаба 10-й армии привез Семену Михайловичу товарищеское письмо от К. Е. Ворошилова, который находился на Украине. Он писал о глубоком рейде, предпринятом мамонтовцами по тылам советских войск, и считал, что для борьбы с Мамонтовым следует использовать буденновцев: «...разгромить его — вот, по моему мнению, ваша первостепенная, а для республики необходимая задача». Примерно такого же содержания пришло письмо от члена Реввоенсовета Южного фронта И. В. Сталина. В нем говорилось, что В. И. Ленин считает необходимым быстрейшую ликвидацию зарвавшихся мамонтовцев.

В тревожные дни деникинского наступления Пленум ЦК партии, обсуждая вопрос о положении на

Южном фронте, решил направить туда как можно больше сил. Пленум Центрального Комитета одобрил меры, принятые главным командованием Красной Армии по усилению Южного фронта, и, в частности, переброску Конного корпуса Буденного в район Бутурлиновка — Репьевка. Распоряжение это привез в корпус Е. А. Щаденко, которого Семен Михайлович знал еще с 1914 года. Старый боевой товарищ привез и циркулярное письмо ЦК РКП(б) от 20 сентября 1919 года — обширный план, излагающий методы борьбы с Деникиным. В конце письма говорилось: «Помогайте строить кавалерийские части! Извлекайте всех коммунистов-кавалеристов, создавайте из них ячейки для советской кавалерии».

Настал черед разгрома корпуса Мамонтова. От пленных С. М. Буденный узнал, что мамонтовцы сосредоточились в районе станции Таловой. Они показали, что Мамонтов — полковник царской армии, ставший теперь генералом. Ему пятьдесят лет. На вопрос, какой у него характер, пленный унтер ответил:

— Жестокий. Плюнет — гадюка сдохнет.

В дождливый октябрьский день над походными колоннами красных конников, направляющихся к Таловой, появился самолет с трехцветными опознавательными кругами на крыльях. Буденновцы замахали шлемами. Летчик, ошибочно приняв красную конницу за белоказаков, посадил машину неподалеку от дороги. Он вез пакет генералу Мамонтову с приказом штаба Донской армии, а также письмо от командира конного корпуса генерала Шкуро, занявшего Воронеж. Документы, взятые у белого летчика, раскрыли планы врага. И Шкуро, и Мамонтов, каждый располагая силами большими, чем советский Конный корпус, опасались в одиночку встретиться с буденновцами. Им была известна смелость Буденного, они

считали его способным на любую дерзость. Узнав о приближении буденновцев к Таловой, Мамонтов поспешил увести свои дивизии к Воронежу.

7 октября комкор получил пакет с директивой командующего Южным фронтом, в которой говорилось: «...по имеющимся сведениям, Мамонтов и Шкуро соединились в Воронеже и действуют в направлении на Грязи. Приказываю: корпусу Буденного разыскать и разбить Мамонтова и Шкуро». Корпусу были приданы железнодорожная стрелковая бригада и кавгруппа 8-й армии. Совместно с ним действовала, находясь в оперативном подчинении С. М. Буденного, 12-я стрелковая дивизия.

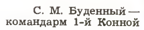
Корпус прошел по осеннему бездорожью около пятисот верст. В полночь 13 октября штаб разослал приказ, согласно которому утром красные конники должны были перейти в наступление по всему фронту. Однако на рассвете восемь кавалерийских полков Шкуро под прикрытием тумана неожиданно ударили по левому флангу красных конников. Атака с трудом была отбита артиллерийским и пулеметным огнем. Не давая противнику опомниться, красные конники перешли в контратаку, и после четырехчасового боя противник вынужден был отступить. На другой день Шкуро крупными кавалерийскими силами при поддержке бронепоездов вновь начал наступать, но был отброшен.

Бои с переменным успехом не удовлетворяли Буденного. Активность противника настораживала. В штабе не было достоверных сведений о силах врага. Семен Михайлович знал, что Воронеж занят двумя конными корпусами белых. Но там могли оказаться и другие части. Комкор, склонившись над картой, подолгу размышлял: двум поредевшим в боях красным кавалерийским дивизиям противостояли шесть казачьих дивизий; да и атаковать Воронеж

С. М. Буденный — старший унтер-офицер драгунского полка

С. М. Буденный — командарм 1-й Конной

Командиры 1-й Конной армии С. К. Тимошенко, О. И. Городовиков, И. В. Тюленев, Т. Т. Шапкин, Н. И. Щелоков с С. М. Буденным и К. Е. Ворошиловым

Комиссар 11-й кавалерийской дивизии К. И. Озолин выступает на митинге в 1-й Конной армии. На переднем плане (слева) К. Е. Ворошилов, С. М. Буденный и М. И. Калинин

Реввоенсовет 1-й Конной армии: К. Е. Ворошилов, С. М. Буденный, Е. А. Щаденко. 1920 г.

К. Е. Ворошилов и С. М. Буденный с командным и политическим составом Конармии. Майкоп, март 1920 г.

Вручение знамени ВЦИК 1-й Конной армии. В машине стоит М. И. Калинин. Май 1920 г.

С. М. Буденный, М. В. Фрунзе и К. Е. Ворошилов на врангелевском фронте. 1920 г.

С. М. Буденный выступает перед бойцами 1-й Конной армии. Ноябрь 1920 г.

Г. К. Орджоникидзе, С. М. Буденный, К. Е. Ворошилов
и другие несут гроб с телом В. И. Ленина
от Павелецкого вокзала к Дому Союзов.
23 января 1924 г.

Заседает Реввоенсовет СССР. 1927 г.

Встреча С. М. Буденного с группой сибирских партизан. Март 1929 г.

А. М. Горький и С. М. Буденный на Красной площади. 1932 г.

Первый заместитель наркома обороны Маршал Советского Союза С. М. Буденный на тактических учениях в Закавказском военном округе. 1940 г.

Великая Отечественная война. За разработкой плана боевой операции

В гостях у комсомольцев.

Фото А. Григорьева

Председатель Президиума Верховного Совета СССР Л. И. Брежнев поздравляет С. М. Буденного с награждением второй медалью «Золотая Звезда». Кремль, 1963 г.

С. М. Буденный в день своего 90-летия

Фото А. Григорьева

предстояло по открытой местности, насквозь простреливаемой с холмов.

Взвесив все «за» и «против», Семен Михайлович пришел к решению на какое-то время прекратить активные действия, выманить противника из города на открытую местность. Свое решение он объявил на совещании командиров. Они зашумели.

— Освобождение Воронежа — желанный подарок к годовщине Октября,— сказал Семен Тимошенко.

— Возьмем Воронеж — побанимся, приведем в порядок себя и коней,— поддержал Ока Городовиков.

— Захватим в городе трофеи... Будет что выпить и закусить,— пошутил Федор Морозов.

Кто-то громко сказал:

— Излишняя осторожность — трусость.

— В случае сомнений лучше воздержаться, чем сделать неправильный шаг. В нашем деле так: семь раз отмерь — один раз отрежь,— настаивал Семен Михайлович.

Его поддержал комиссар корпуса А. А. Кивгела. Развивая доводы комкора, он говорил, что далеко не всякое наступление приносит успех, а тем более плохо подготовленное.

— Зачем рубить топором там, где нужна игла,— сказал он и предложил послать в Воронеж два письма: одно — белоказакам, а другое — самому Шкуро.

Участники совещания согласились с комиссаром: искусно составленный документ иногда достигает большего, чем кровопролитный бой. Да и предложение о письме белому генералу увлекало — тут можно было дать волю накопившемуся в душах сарказму. Письмо к Шкуро сочинили здесь же, на совещании. Каждый, подобно легендарным запорожцам, писавшим турецкому султану, старался вставить словечко похлеще, позабористее.

Это послание взялся доставить адресату командир

полка Олеко Дундич. Серб по национальности, он мужественно сражался за Советскую власть, за свою новую родину — Советскую Россию. Переодевшись в офицерскую черкеску с золотыми погонами, Олеко Дундич проник в Воронеж и через дежурного по белогвардейскому штабу передал письмо генералу Шкуро. Затем он объехал оборонительные сооружения города и, вернувшись к штабу, бросил в окна две ручные гранаты. Пользуясь возникшей паникой, смельчак возвратился к своим и рассказал комкору обо всем увиденном.

В другом письме — обращении к трудовому казачеству, находившемуся в белой армии, говорилось: «Братья трудовые казаки! Заявляем вам, что вы напрасно губите себя и свои семьи, оставленные вами далеко на Кубани и Дону, воюя с нами. Мы знаем, за что воюем,— за свободу своего трудового народа, а вы — за генералов, помещиков, которые забирают у ваших отцов и жен хлеб и скот, отправляют его за рубеж в обмен на патроны, снаряды и пушки, которыми вы слепо убиваете таких же трудовых братьев крестьян и казаков, сражающихся за лучшее будущее всего трудового народа. Бросайте, братья, воевать, расходитесь по домам или переходите на нашу сторону». Обращение подписали с «титулами» — командир Конного корпуса старший урядник Семен Буденный, донской казак инспектор Конкорпуса Ефим Щаденко и казак Голубинской станицы Степан Зотов.

Письмо буденновцев и напугало, и привело в ярость генерала Шкуро. На четвертые сутки боевого затишья белоказаки вышли из города и начали наступление. С. М. Буденному все же удалось принудить врага к бою на открытой местности!

Противник наступал в густом тумане, затруднявшем ведение прицельного огня. Пришлось начать бой

сабельной рубкой. Как и ожидал Семен Михайлович, кони белых, измученные ночным маршем по грязи, уступали в резвости коням буденновцев. Пользуясь туманом, как дымовой завесой, Ока Городовиков вывел свои полки в тыл противника и нанес сокрушающий удар. Стиснутые с фронта и тыла, белоказаки повернули к городу. Буденновцы гнали их до реки Воронеж и только там остановились перед стеной заградительного огня автоброневиков и бронепоездов.

Белые располагали мощными огневыми средствами. Надо было срочно исправить положение. Комкор с группой всадников поскакал на станцию Отрожка. Там разводил пары маневровый паровоз.

— Чем помочь, товарищ Буденный?—крикнул пожилой машинист, высовываясь из паровозной будки.

— Рычаги на полную скорость, а сам прыгай! — скомандовал Семен Михайлович.

Паровоз ринулся вперед и, все убыстряя ход, врезался во вражеский бронепоезд. Так же быстро были парализованы и действия второго бронепоезда белых: железнодорожники-добровольцы взорвали пролет железнодорожного моста; бронепоезд и бронеплощадка оказались в руках буденновцев.

С утра на восточных подступах к Воронежу Конкорпус возобновил наступление. Белые оборонялись с ожесточением смертников. За ночь они успели закрепиться на высоком берегу реки. Среди документов, найденных у убитого начальника штаба одной из белогвардейских дивизий, обнаружили оперативный приказ Шкуро, после прочтения которого у комкора созрел новый план действий — нанести главный удар на Воронеж не с востока, где сосредоточивались основные силы белых, а с севера. Там и оборонительных сооружений меньше, и местность благоприятствует маневру кавалерии. На следующий день части корпуса вновь перешли в наступление. Бой

продолжался весь день. Вечером белые подожгли деревянные строения города, а на рассвете красные конники с двух направлений ворвались в Воронеж. Вместе с ними в город вошли и красноармейцы 12-й стрелковой дивизии. Буденный послал краткое донесение в штаб фронта: «После ожесточенного боя доблестными частями Конкорпуса в 6 часов 24 октября занят город Воронеж. Противник отброшен за р. Дон. Преследование продолжается».

Разгром конных корпусов Шкуро и Мамонтова, освобождение Воронежа, успешные действия других частей Красной Армии резко изменили обстановку на всем Южном фронте.

Посоветовавшись с комиссаром корпуса, Семен Михайлович написал письмо в Реввоенсовет фронта, излагая в нем соображения о дальнейшем использовании конницы в интересах не одной армии, а всего фронта. Кавалерию надо привлекать прежде всего для решения крупных стратегических задач. Буденный предлагал Конкорпус развернуть в Конную армию. Это была смелая мысль. В истории военного искусства столь крупных кавалерийских объединений никогда не существовало. Письмо заканчивалось просьбой прислать на пополнение конных частей рабочих-коммунистов.

Через несколько дней, когда корпус после победы под Воронежем форсировал Дон, из Реввоенсовета Южного фронта С. М. Буденному пришла телеграмма: «Вверенный Вам корпус во всех отношениях подчинен исключительно Южному фронту... В ближайшем будущем предположено создать 2-й Конкорпус из 11-й и 8-й дивизий. Оба корпуса предположено объединить под Вашим руководством на правах Конной армии».

Такое решение не могло не обрадовать Семена Михайловича. Это была победа над косными взгля-

дами тех, кто высказывался против предложения о формировании крупных конных частей. Сама жизнь, интересы борьбы на фронтах гражданской войны сметали все преграды на пути создания мощной, подвижной ударной силы Красной Армии.

Приближалась вторая годовщина Великого Октября. В эскадронах и полках проводились митинги и беседы. Скромные подарки от трудящихся: пачка махорки, кисет, вышитый девичьими руками, теплые носки, связанные крестьянкой, пригоршня сухих грибов или ягод — радовали бойцов, напоминали им о доме. Хотелось поскорее разбить белых, покончить с войной.

Большим событием в эти дни был приезд в Конкорпус Председателя ВЦИК Михаила Ивановича Калинина и Председателя ЦИК УССР Григория Ивановича Петровского. Они рассказали бойцам о критическом положении: страна окружена полчищами белых; в промышленности и на транспорте разруха; в городах голод, нет топлива, нет керосина; каждый фунт хлеба, посылаемый на фронт, приходится отрывать у трудовых семей. Они говорили о неутомимой работе партии, организовывавшей отпор врагу, о деятельности Председателя Совнаркома республики Владимира Ильича Ленина, решавшего сложнейшие политические, хозяйственные и военные задачи, призывали бойцов к скорейшему разгрому врага.

Ночами, в часы отдыха, Семен Михайлович подолгу беседовал с М. И. Калининым и Г. И. Петровским. Соглашаясь с его доводами, они горячо поддержали идею создания Конной армии. Перед отъездом он пригласил их на учебное занятие. Все делалось как в бою. Закончилось учение стремительной атакой в конном строю, произведшей на них большое впечатление.

— Вернемся в Москву,— сказал М. И. Калинин,— обо всем расскажем Владимиру Ильичу.

Начались бои за Касторную. Противник подтягивал свежие силы, ввел в бой три бронепоезда. Отражая контратаки врага, С. М. Буденный в конце концов заставил его перейти к обороне. В штабе корпуса велась напряженная работа — уточнялось расположение огневых средств противника, состав его частей. Комкор нередко лично допрашивал пленных — это нужно было для выбора направления главного удара. После долгих раздумий он решил ударить по небольшой степной станции Суковкино, в двадцати верстах южнее Касторной.

Когда ночью в метель станция была захвачена, С. М. Буденный и начдив-4 О. И. Городовиков пошли на хитрость. Используя железнодорожный селектор, они связались с вражеским штабом в Касторной и потребовали немедленной высылки бронепоезда якобы для охраны станции от разъездов красных. Хитрость удалась. Через полчаса в Суковкино пришел бронепоезд «Слава офицерам». Командир его, приняв Буденного, облаченного в бурку, за генерала Мамонтова, отдал рапорт и подробно доложил о частях, дислоцированных в Касторной. Бронепоезд был захвачен. В нем оказался большой запас снарядов.

Тем же способом лишили врага второго бронепоезда. Вновь связались со штабом в Касторной, попросили прислать второй бронепоезд, теперь уже на разъезд Благодатенский, куда Семен Михайлович Буденный направил 3-ю кавбригаду, которая и захватила бронепоезд. Только во второй половине дня одураченные белые поняли: красная конница обошла их с юга.

15 ноября буденновцы овладели Касторной. Противник потерял четыре бронепоезда, четыре английских танка, сто пулеметов, свыше двух десятков ору-

дий. Около трех тысяч белых солдат и офицеров сдались в плен. Вместе с конниками в боях за Касторную геройски сражались воины 2-й стрелковой дивизии. За стойкость и мужество 371-й и 378-й стрелковые полки этой дивизии по представлению С. М. Буденного были награждены Почетными революционными красными знаменами. Взятие Касторной, успешные действия частей Красной Армии на других боевых участках надломили деникинские силы.

А через четыре дня — 19 ноября 1919 года — командование Южного фронта на основании решения Реввоенсовета республики подписало приказ о переименовании Конкорпуса в 1-ю Конную армию. С. М. Буденный был назначен командующим этой армией. Сохранилась запись его переговоров по прямому проводу 21 ноября 1919 года с командующим Южным фронтом А. И. Егоровым:

«*Командюж.* Ваш корпус переименован в Конную армию. Командарм вы, члены Реввоенсовета Ворошилов, Щаденко... Реввоенсовет Южфронта приветствует образование первой в истории Конной армии во главе с героем красной конницы тов. Буденным и могучими борцами за рабочий класс товарищами Ворошиловым и Щаденко...

С. М. Буденный. Сердечно благодарю за высокое назначение. Приложу все силы, чтобы с гордостью оправдать свой пост...»

5 декабря в только что занятый буденновцами Новый Оскол прибыли А. И. Егоров, И. В. Сталин, К. Е. Ворошилов и Е. А. Щаденко. На другой день состоялось первое заседание Реввоенсовета вновь создаваемой Конной армии. Командующий фронтом обрисовал ближайшие задачи. Являясь оперативно-стратегической подвижной группой войск, Конармия должна стремительным ударом через Харьков, Донбасс, Ростов-на-Дону и Таганрог разъединить глав-

ные силы Деникина — Донскую и Добровольческую армии и во взаимодействии с 8-й и 13-й армиями Южного фронта разгромить противника.

— Задача эта,— сказал А. И. Егоров,— огромной государственной важности. И исходя из нее, надо решать все вопросы организации армии.

Член Реввоенсовета фронта И. В. Сталин подчеркнул, что Конная армия создается вопреки взглядам некоторых военспецов, утверждающих, что это надуманная затея, что в первой мировой войне кавалерия не оправдала возложенных на нее надежд. Критикуя подобные взгляды, он сказал, что действительно у нас нет подвижной техники и против конницы белых следует противопоставить свою массовую конницу, как силу, способную преодолеть казачью кавалерию. И далее он развил мысли командующего фронтом:

— Наша задача заключается в том, чтобы рассечь противника надвое, не дать дивизиям Деникина с Украины отойти на Северный Кавказ. В этом залог успеха, и эту задачу мы возлагаем на 1-ю Конную. А когда, расколов противника, дойдем до Азовского моря, будет видно, куда направить Конную армию — на Украину или на Северный Кавказ.

Обсуждение вопросов, связанных с предстоящими боевыми действиями, окрылило Семена Михайловича. Его волновали масштабы операции — удар на глубину в пятьсот верст! И в то же время он не мог не испытывать тревоги — справится ли с такой задачей? Успокаивало одно: красная стрела предстоящего наступления пролегала через рабочий Харьков и пролетарский Донбасс, где население ненавидело белых и, конечно, будет помогать красноармейцам всем, чем только сможет. А рядом, в одном строю, испытанные в бою товарищи, с которыми уже преодолено немало опасностей.

Было решено довести состав Конармии до пяти кавалерийских дивизий. Немного поспорили, включать ли стрелковые части. Не будет ли пехота замедлять маневр конницы? Но самый заядлый конник — С. М. Буденный — горячо высказался за то, чтобы в Конармии были стрелковые дивизии. Согласились, что на первое время следует подчинить штабу 1-й Конной армии — хотя бы в оперативном отношении — две стрелковые дивизии.

Во время обеда И. В. Сталин спросил:

— Семен Михайлович, почему вы до сих пор не член партии?

Новый командарм ждал такого вопроса. Он пояснил, что коммунистом в душе считает себя по крайней мере с августа семнадцатого года, когда в Белоруссии выполнял поручения фронтовой партийной организации большевиков. А вечером, после того как были обсуждены все вопросы предстоящей операции, Сталин, Ворошилов и Щаденко написали партийные рекомендации Семену Михайловичу Буденному. И. В. Сталин зачитал постановление ВЦИК РСФСР от 24 ноября 1919 года о награждении С. М. Буденного за разгром конницы Мамонтова и Шкуро золотым боевым оружием (шашкой) с орденом Красного Знамени на эфесе.

В частях Конармии насчитывалось много коммунистов. Особенно сильной партийная прослойка была в специальных подразделениях. И отряд летчиков, и команды бронепоездов, и экипажи бронемашин в основном состояли из рабочих-коммунистов. Бойцы и командиры — члены партии идейно сплачивали воинов 1-й Конной, личным примером увлекали их на подвиги.

Размах работы поставил перед С. М. Буденным много вопросов. Одно дело командовать дивизией, руководить действиями корпуса и другое — органи-

зовывать операции столь сложного войскового организма, как армия, да еще такая, какой не знала военная история,— Конная армия. Возросла ответственность, возросли заботы, изменялись привычные методы руководства. С. М. Буденный вкладывал в Конармию всего себя без остатка. В работе он опирался на коммунистов, на партийные организации, всегда ощущал их живую поддержку в решении сложных боевых вопросов.

Испытанным приемом поднятия боевого духа среди бойцов у Семена Михайловича был личный пример. Стоило какому-либо полку, попавшему в трудное положение, дрогнуть, заколебаться, как вперед вырывался крепко сбитый всадник на ладном скакуне. Все знали: это Семен Буденный — и устремлялись за ним навстречу противнику. Это было эффектно, но опасно — могла сразить шальная пуля. Даже став командующим армией, Семен Михайлович нет-нет да и входил в прежний азарт. К. Е. Ворошилов, увидев как-то на его полушубке новую прореху от осколка снаряда, укоризненно заметил:

— Опять за свое? Сколько раз говорили — твое дело руководить войсками, управлять боем, а не кидаться сломя голову в самое пекло...

— Кто боится смерти, тот покойник среди живых. Если будем отсиживаться в штабе, то окажемся либо без армии, либо в плену у казаков,— пробовал оправдаться Семен Михайлович, понимая справедливость замечания.

На его порой чрезмерную лихость обращали внимание и А. И. Егоров, и И. В. Сталин. Далеко не всегда одобряли ее и начдивы и комбриги. Ведь и он сам не раз выговаривал раненным в боях командирам за то, что они рисковали головой там, где не надо. Учил их, что командирская храбрость и отвага не только в сабельном ударе, но и в зрелом тактическом мыш-

лении, в умелом управлении людьми. Ну а уж если обстановка заставит — тогда командир не жалей своей крови, а если надо, то и жизни...

12 декабря Реввоенсовет Южного фронта подписал директиву на разгром Добровольческой армии Деникина. Войскам ставились точно сформулированные задачи. «Ударной группе т. Буденного,— говорилось в директиве,— в составе Конармии, 9-й и 12-й стрелковых дивизий, использовав самым решительным образом для быстрого продвижения пехоты весь наличный транспорт местного населения, стремительным натиском выдвинуться в район Донецкого бассейна и, заняв железнодорожные узлы Попасная, Дебальцево, Иловайская, отрезать все пути отхода для Добровольческой армии в Донскую область. Для занятия Таганрога выделить достаточной силы конную группу».

Воротами в Донецкий бассейн для 1-й Конной оказалась станция Сватово, занятая крупными силами противника и забитая эшелонами. Ворота эти надо было распахнуть. Неожиданно погода резко изменилась — после оттепели ударил крепкий мороз, началась гололедица. Надо было спешно перековать лошадей, движение полков замедлилось. И все же, сломав ожесточенное сопротивление белых, неоднократно переходивших в контратаки, 4-я кавдивизия овладела станцией Сватово, захватила десятки эшелонов с боеприпасами и военным имуществом, а также бронепоезд. На станции оказалось несколько составов, груженных антрацитом. В тот же день конармейцы отправили их в подарок московским рабочим.

Впереди лежала водная преграда — Северский Донец. Лед на нем еще не окреп, и перейти его не представлялось возможным. Да и бродов на участке движения 1-й Конармии не было. Оставалось од-

но — с ходу, стремительным ударом захватить мосты. Чтобы избежать лишних потерь, Буденный приказал подтянуть бронесилы. На острие оперативного построения армии вновь, как и при взятии Сватова, была поставлена 4-я кавдивизия. Двигаясь вдоль железной дороги, она в районе станции Меловатка атаковала конную группу белых. На стороне врага — превосходство в артиллерии и живой силе. Выручили бронепоезда, предусмотрительно выдвинутые вперед. Буденный сам руководил боем — на этот раз с площадки бронепоезда, на полных парах ворвавшегося на станцию Меловатка.

В тот же день одна из бригад 6-й кавдивизии овладела станцией Рубежная, а другая бригада внезапным налетом захватила станцию Несветевич. Белые заложили динамитные шашки в фермы железнодорожного моста, чтобы взорвать его. Но конники ворвались на мост и порубили подрывников. За три дня наступления 1-я Конная разгромила неприятеля, окопавшегося на левом берегу Северского Донца, и захватила все имевшиеся переправы. В метельную ночь на 23 декабря конармейцы овладели Лисичанском.

Придавая большое значение Донбассу как важному экономическому району, белые сосредоточили для его защиты три кавалерийских корпуса, две пехотные дивизии и пять бронепоездов. Деникин рассчитывал нанести этими силами удар по 1-й Конной и отбросить ее за Северский Донец. Реввоенсовет Конармии принял смелое решение — сковать противника наступлением с фронта силами стрелковых частей, а двумя кавалерийскими дивизиями нанести фланговые удары в районах Бахмута и станции Попасная.

25 декабря белые, закончив перегруппировку своих частей, перешли в контрнаступление. Севернее

Бахмута разыгрался встречный бой 11-й кавалерийской и 9-й стрелковой дивизий с конной группой генерала Улагая и пехотной дивизией белых. Он продолжался весь день с переменным успехом. Исход боя решил умелый маневр дивизии О. И. Городовикова. Ее полки, пройдя за ночь около тридцати верст, глубоко вклинились в расположение белых, создали реальную угрозу окружения. А 11-я кавдивизия, преследуя противника, утром 27 декабря овладела Бахмутом; 12-я стрелковая дивизия, поддерживаемая огнем бронепоездов, приблизилась к Попасной. Таким образом, Конармия овладела первой линией обороны противника в Донецком бассейне.

Пролетарский Донбасс радостно встречал освободителей. Бойцов приглашали в дома, чинили их обмундирование, дарили теплое белье. Наши войска пополняли свои поредевшие ряды добровольцами — рабочими и крестьянами. Моральная и материальная поддержка местного населения поднимала наступательный дух бойцов, вселяла уверенность в скорой победе над деникинскими полчищами. До нового, 1920 года оставалось несколько дней. Горловка, Дебальцево, Никитовка, станции Иловайская и Амвросиевка уже были освобождены буденновцами.

Все усилия Деникина задержать наступающие части Красной Армии оказались тщетными. К 1 января 1920 года Донбасс был полностью очищен от белых.

Успеху этой операции способствовало четкое взаимодействие кавалерийских соединений 1-й Конармии с приданными ей стрелковыми дивизиями. Во время походных маршей пехота, посаженная на подводы, а там, где представлялась возможность, передвигавшаяся в железнодорожных эшелонах, не отрывалась от конницы. В бою стрелковые части сковывали действия противника, давая возможность ка-

валерии широко маневрировать, наносить фланговые удары, охватывать белых с тыла. Быстрота и смелость маневра достигались и тем, что командование армии — командарм, Реввоенсовет и полевой штаб — в сложной, резко меняющейся обстановке, не теряя нитей управления войсками, находило нужные решения. Успеху наступления содействовала и горячая поддержка трудящихся Донбасса, а также активная деятельность подпольных партийных организаций и партийных групп, самоотверженно боровшихся в тылу врага.

После освобождения Донбасса для 1-й Конной открылся кратчайший путь на Ростов-на-Дону и Таганрог. Шло стремительное преследование отступающего противника. Начдив С. К. Тимошенко доносил, что его дивизия преследует врага, отходящего на Таганрог. С ростовского направления докладывали: белоказаки панически бегут. Перед Реввоенсоветом Конармии встал вопрос: куда наносить главный удар? На Таганрог или Ростов? Семен Михайлович считал — на Ростов, там сосредоточиваются основные силы отходящего противника, а Щаденко предлагал — на Таганрог. Каждый отстаивал свою точку зрения. Разгоревшийся спор разрешил Ворошилов.

— Давайте,— предложил он,— отдадим приказ на преследование противника в таганрогском направлении и выедем на фронт. На месте все будет виднее, там и решим, куда бить в первую очередь.

Так и сделали. А тем временем летчики, летавшие на разведку, выяснили, что противник подготовил для длительной обороны рубежи на берегах Тузлова, Грушевки и других небольших рек. Эти оборонительные позиции предназначались для прикрытия Новочеркасска и Ростова. Летчики докладывали, что туда подходит пехота, движутся пушки, танки и бро-

неавтомобили, а по железной дороге курсируют бронепоезда. Конные разъезды, направленные в тыл противника, выяснили: в районе Больших Сал и Генеральского Моста сосредоточивается ударная группа белой кавалерии.

Разведывательные данные подтвердили правоту С. М. Буденного, предлагавшего главные усилия сосредоточить на ростовском направлении. В то же время командарм не мог не согласиться и с тем, что Таганрог является своего рода воротами, через которые Антанта снабжает войска белых боеприпасами и снаряжением. Было известно, что в Таганроге находится ставка генерала Деникина. Оставлять таганрогское направление без внимания нельзя, и наступавшие там 11-я кавалерийская и 9-я стрелковая дивизии получили уточненные задания.

6 января Реввоенсовет Конармии отдал приказ овладеть Ростовом-на-Дону. Поздней ночью пришло донесение — Таганрог освобожден, захвачено много трофеев. Пришло также сообщение, что части Сводного конного корпуса Б. М. Думенко, входившего в состав соседнего Юго-Восточного фронта, совместно с конниками дивизии имени М. Ф. Блинова овладели Новочеркасском.

7 января дивизии Конармии перешли в наступление. Завязался крупный бой у Генеральского Моста. Он длился до позднего вечера, но не принес желаемых результатов. Не принесли успеха и действия двух стрелковых дивизий 8-й армии, наступавшей левее. Белые постарались использовать такое положение для прекращения паники среди буржуазии, нахлынувшей в Ростов. Разведчики привезли Семену Михайловичу афишу с воззванием коменданта города. В ней крупными буквами сообщалось: красные отброшены от Ростова.

Призыв белого коменданта к сохранению спокой-

ствия послужил на руку конармейцам. Когда 6-я кавдивизия, использовавшая успех 4-й, занявшей Нахичевань, 8 января внезапно ворвалась в Ростов, многие белые офицеры безмятежно праздновали рождество. Одновременно с появлением на окраинах Ростова конармейцев и подразделений 33-й стрелковой дивизии рабочие города, руководимые подпольным большевистским комитетом, подняли восстание. Белые бежали за Дон.

Взятием Ростова-на-Дону завершилось стратегическое разъединение деникинского фронта. Была одержана крупнейшая победа. В. И. Ленин, выступая 2 февраля 1920 года на первой сессии ВЦИК седьмого созыва, говорил, что после уничтожения войск Юденича и после взятия на юге Новочеркасска и Ростова-на-Дону главной части белогвардейских полчищ и иностранных интервентов был нанесен такой решительный удар, что военное положение Советской республики изменилось самым радикальным образом и нашим врагам стало ясно — их прежние надежды на возможность раздавить военные силы Советской республики потерпели крах.

Уже больше месяца 1-я Конармия находилась в непрерывных боях. Накопленный за это время опыт следовало обобщить. Воспользовавшись короткой передышкой, было решено провести расширенное заседание Реввоенсовета с участием начдивов, комбригов, начальников штабов, военкомов дивизий и бригад. Собравшиеся критически разобрали проведенную операцию и, не щадя самолюбия друг друга, отметили промахи и ошибки. Семен Михайлович подвел итог: враг еще не сломлен, впереди конармейцев ожидают серьезные испытания, и задача всех командиров и политработников — сделать приобретенный опыт достоянием каждого бойца. В Ростове состоялась армейская партийная конференция,

еще более способствовавшая повышению в войсках дисциплины и укреплению их морального духа.

В середине января 1920 года 1-я Конармия была передана в подчинение Юго-Восточному (Кавказскому) фронту, штаб которого потребовал, чтобы конармейцы вместе с частями 8-й и 9-й армий, атакуя по заболоченной, покрытой глубокими озерами местности, овладели Батайском. С. М. Буденный и другие члены Реввоенсовета Конармии лично водили бойцов в атаки. Но все попытки прорвать батайские позиции белых не дали желаемых результатов. Лобовыми атаками овладеть Батайском было невозможно. Дальнейшее упорство могло привести к ненужным потерям.

Наступление приостановилось. 1-я Конная, лишенная двух приданных ей ранее стрелковых дивизий, получила новую задачу: из района станицы Багаевской форсировать реку Маныч и нанести удар во фланг группировке белых. На рассвете 27 января 6-я и 11-я кавдивизии перешли Маныч по льду и атаковали противника, а 4-я кавдивизия стремительным ударом разбила пехоту белых, захватила до полутора тысяч пленных. Казалось, успех вернулся к буденновцам. Но к вечеру 29 января положение резко изменилось. Под давлением превосходящих сил противника конармейцы вынуждены были вновь отойти за Маныч и закрепиться в прибрежных хуторах.

Огорченный последними неудачами, Семен Михайлович после долгих раздумий написал письмо В. И. Ленину. Это был весьма драматический момент в боевой жизни командарма. «Глубокоуважаемый вождь, Владимир Ильич! — писал он. — Простите меня за то, что обращаюсь к Вам с этим письмом. Я очень хочу лично Вас видеть и преклониться перед Вами, как Великим вождем всех бедных крестьян и рабочих. Но дело фронта и банды Деникина мешают

мне сделать это. Я должен сообщить Вам, тов. Ленин, что Конная армия переживает тяжелое время».

Далее в письме излагались конкретные примеры того, как штаб фронта неправильно руководил Конармией, ставил ей непосильные задачи. Послание это, доставленное в Москву специальным нарочным, В. И. Ленин прочитал. Вскоре новый командующий Кавказским фронтом М. Н. Тухачевский и член Реввоенсовета фронта Г. К. Орджоникидзе нацелили буденновцев для удара на Тихорецкую, в стык Донской и Кубанской армий Деникина.

Проделав стотридцативерстный марш по дорогам, покрытым глубоким, рыхлым снегом, части 1-й Конармии вышли в район Платовской, в родные места Семена Михайловича Буденного. Тяжелая картина представилась глазам командарма. Платовская, где были знакомы чуть ли не каждый дом и каждое дерево, была наполовину сожжена: белые жестоко мстили за то, что станица дала Красной Армии много командиров и бойцов.

Боями южнее Платовской 4-я кавдивизия совместно с частями 50-й стрелковой дивизии положила начало действиям 1-й Конной на Северном Кавказе. В ночь на 17 февраля буденновцы помогли 20-й стрелковой дивизии освободить узловую железнодорожную станцию Торговая.

Ударили морозы, покрывшие землю крепкой ледяной коркой. Бездорожье затрудняло движение конницы, холодный ветер обмораживал плохо одетых бойцов. Несмотря на неблагоприятную погоду, в ночь на 19 февраля дивизии С. К. Тимошенко и О. И. Городовикова отбросили конную группу противника, пытавшегося отбить Торговую, и стали продвигаться к Белой Глине, где, по данным разведки, находились части 1-го Кубанского корпуса белых. В бою против них буденновцами были захва-

чены артиллерия, пулеметы, обозы с боеприпасами и склады с военным имуществом. Допрашивая пленных, С. М. Буденный узнал о замыслах белогвардейского командования нанести удар из района Егорлыкской во фланг и тыл 1-й Конной.

Положение осложнялось с каждым часом. 1-я Конармия с ударной группой стрелковых дивизий оказалась перед главными силами Деникина. С. М. Буденный чувствовал — предстоит сражение, которое решит судьбу Кавказского фронта: либо Красная Армия разгромит противника на Северном Кавказе, либо белые удержатся на Дону и Маныче, соберут резервы, получат от Антанты боевую технику и вновь перейдут в контрнаступление.

Семен Михайлович, посоветовавшись с К. Е. Ворошиловым, собрал в Белой Глине командный состав дивизий. Стоя у оперативной карты с нанесенной на нее обстановкой, командарм предложил обсудить два возможных решения. Первое — разгромив группировку противника в районе Средний Егорлык — Егорлыкская, дать возможность войскам 8-й и 9-й армий форсировать Дон и Маныч и вместе с ними перейти в решительное наступление по всему фронту. И второе — воспользовавшись поражением, нанесенным противнику в Белой Глине, устремиться на юг, захватить станцию Тихорецкая и нанести удар в тыл деникинским войскам, действовавшим на ростовском направлении.

Высказались почти все участники совещания. У сторонников наступления на Тихорецкую было много заманчивых доводов: перерезалась железнодорожная магистраль, по которой снабжались деникинские войска; выход конармейцев на Тихорецкую отрывал Донскую армию белых от их Кубанской армии. Однако большинство командиров и политработников высказалось за действия на егорлыкском

направлении против главной ударной группировки деникинских войск. Слушая толковые рассуждения своих соратников, Семен Михайлович радовался: командиры и политработники 1-й Конной не только сражались мужественно, но и мыслили смело.

24 февраля Реввоенсоветом 1-й Конной был подписан приказ, по которому три ее кавалерийские и две стрелковые дивизии устремились на Средний Егорлык. В авангарде шла дивизия С. К. Тимошенко. Ее конные разъезды заметили колонны противника. Вскоре выяснили — это 4-й Донской корпус белых. Предполагая, что буденновцы двинулись на Тихорецкую, белоказаки шли без походного охранения. Этим удачно воспользовался начдив-6: накрыв колонны картечью, он с ходу атаковал их. Корпус белых скоро оказался смятым. Одновременно 4-я кавдивизия обрушилась на правый фланг 2-го Донского корпуса противника. Так начался разгром сильнейшей егорлыкской группировки белых.

1 марта части 1-й Конармии и 20-й стрелковой дивизии развернули наступление на «Егорлыкскую крепость», как называли белые станицу Егорлыкскую. Плотный туман еще не рассеялся. Конники скрытно сосредоточились в лощинах. Первыми к станице подошли подразделения 20-й стрелковой дивизии и вступили в ружейную перестрелку с пластунами. Наиболее крупная группа конницы белых перешла в контратаку, пытаясь обойти левый фланг частей 1-й Конармии. Буденный, наблюдавший за полем боя, быстро разгадал замысел противника, рассчитывавшего захлестнуть красные дивизии с фланга и отбросить их к железной дороге под огонь бронепоездов и окопавшихся там пластунов.

Отразить удар обходной колонны белых командарм приказал 6-й кавдивизии, а 4-ю бросил в решительную атаку на конницу белых, выдвигавшую-

ся с южной окраины станицы. Во время схватки на флангах центр фронта 1-й Конармии оказался ослабленным: там находился только один полк. Сюда-то и устремилась крупная группа белогвардейской конницы. Положение создалось тревожное, но начдив-4 О. И. Городовиков, пропустив вперед зарвавшиеся эскадроны белых, приказал открыть по ним огонь из всех пулеметов и пушек.

Одновременно со схватками кавалерии, в которых с обеих сторон принимало участие свыше сорока тысяч всадников, в открытой степи разгорелся бой между стрелками 20-й дивизии и пластунами противника, поддерживаемыми огнем бронепоездов. К вечеру конармейцы и стрелки овладели станцией Атаман, ворвались в Егорлыкскую. Закипел жестокий бой на улицах, перегороженных повозками, сеялками, бревнами, бочками, санями. Только к утру удалось вышибить белогвардейцев из станицы. В разгроме противника конармейцам большую помощь оказали части 20-й стрелковой дивизии, которые первыми ворвались в станицу, а также наступавшие за их правым флангом конники Кавказской кавдивизии и кавдивизии имени М. Ф. Блинова.

Сражение под Егорлыкской было последней крупной операцией по ликвидации деникинщины. Началась распутица — реки разлились, дороги превратились в потоки грязи. Но не только непогода затрудняла преследование разгромленного противника. Конармейцы, месяцами не слезавшие с седел, смертельно устали. Кони, запаленные в переходах, истощились до предела. 1-й Конармии требовался отдых. И она получила его.

С. М. Буденный и К. Е. Ворошилов отправились в Ростов-на-Дону, чтобы решить вопросы обеспечения бойцов продовольствием, обмундированием и боеприпасами. На станции Батайск они впервые встретились

с командующим Кавказским фронтом М. Н. Тухачевским и членом Реввоенсовета фронта Г. К. Орджоникидзе.

13 марта пришла директива штаба Кавказского фронта выйти в район станиц Усть-Лабинской и Ладожской, перейти через разлившуюся Кубань и овладеть районом Белореченская — Гиагинская.

На другой день М. Н. Тухачевский и Г. К. Орджоникидзе побывали в полках 1-й Конной и побеседовали с бойцами. Они остались довольны и дисциплиной и выправкой буденновцев. Были уточнены ближайшие задачи Конармии, дополнительно приказывалось — нанося фланговые удары по врагу, помочь 9-й армии овладеть Екатеринодаром.

После боев за Усть-Лабинскую, Белореченскую и Гиагинскую части 1-й Конной вступили в Майкоп — центр нефтяных промыслов Северного Кавказа. В городе уже находились подразделения местных партизан, содействовавших наступлению войск Кавказского фронта. Конармейцы немедленно организовали охрану нефтепромыслов, а несколько эшелонов с нефтью отправили в Москву. По горным дорогам к берегам Черного моря прошли несколько эскадронов буденновцев и освободили Туапсе, Сочи, Гагру.

Наступала весна. Белым пламенем зацвели сады. Все вокруг казалось мирным. Но борьба с врагами Советской власти продолжалась. Газеты сообщали: на западных границах Советской республики собирается новая военная угроза. Об этом С. М. Буденному не раз говорил Г. К. Орджоникидзе. Однажды он показал командарму телеграмму В. И. Ленина — ответ на предложение создать из войск фронта трудовую армию. В телеграмме говорилось: «Очень рад вашему сообщению, что скоро ожидаете полного разгрома Деникина, но боюсь чрезмерного вашего опти-

мизма. Поляки, видимо, сделают войну с ними неизбежной. Поэтому главная задача сейчас не Кавтрудармия, а подготовка быстрейшей переброски максимума войск на Запфронт. На этой задаче сосредоточьте все усилия».

— Видимо, Семен Михайлович,— сказал Орджоникидзе,— вашим орлам придется покинуть Кубань и двинуться на запад...

А через несколько дней пришла депеша: «Командарму Конной тов. Буденному и члену РВС Ворошилову. Ростов, 22 марта 1920 года.

Ввиду возложения ближайшем будущем на Конармию новых задач Главком приказал вам прибыть Москву для доклада и переговоров... Командкавказ Тухачевский. Член РВС Орджоникидзе».

Вопрос о переброске 1-й Конной на запад встал на повестку дня.

Тысячеверстный поход

С. М. Буденный и К. Е. Ворошилов ехали в Москву для согласования вопросов, связанных с передислокацией Конармии. В конце длинного состава цистерн с нефтью — подарка московским рабочим от воинов — ростовские железнодорожники прицепили два вагона. Один — служебный, для Реввоенсовета 1-й Конармии. А другой, с мукой и сахаром,— в адрес В. И. Ленина. Буденновцы грузили мешки с трофейными продуктами, хорошо зная, что Ильич распределит их по детским домам. Рано утром в один из последних мартовских дней 1920 года эшелон двинулся на север, через Донбасс, по местам, откуда совсем недавно конармейцы изгнали белых.

Поезд шел медленно, долго простаивал на промежуточных станциях. Поглядывая в окна, Буден-

ный и Ворошилов припоминали прошедшие бои, возвращались к мыслям о предстоящей переброске 1-й Конармии на Украину. «По железной дороге осуществить такую переброску почти невозможно»,— думал Семен Михайлович.

Взяв лист бумаги, Ворошилов прикинул, что для переброски личного состава, коней, вооружения, авиаотрядов, бронеподразделений, штаба и тылов армии потребуется более сотни эшелонов. Где взять столько вагонов, платформ, паровозов? Как быть с фуражом? Сколько времени уйдет на погрузку и разгрузку? Выходило, что, даже если бы и удалось добыть вагоны, Конармия меньше чем через три-четыре месяца не смогла бы сосредоточиться в назначенном районе. Семен Михайлович с карандашом в руках рассчитал, что суточными переходами по тридцать — тридцать пять верст с дневками и ночевками, и даже при весьма возможных стычках с махновцами и другими бандами, можно за полтора-два месяца от Майкопа дойти до Знаменки, в районе которой предполагалось сосредоточить соединения 1-й Конармии. К тому же движение походным порядком создавало благоприятные условия для снабжения частей продовольствием и фуражом за счет местных ресурсов.

Через несколько суток «особый эшелон» прибыл в Москву. Остановились в гостинице «Националь», напротив Кремля. Через час Буденный и Ворошилов были у Главнокомандующего Вооруженными Силами республики С. С. Каменева. Выслушав краткий доклад о состоянии 1-й Конармии, Главком заговорил о порядке переброски ее к западным границам. Несмотря на уже принятое предварительное решение о передвижении конников походным порядком, вопросов, которые следовало решить в полевом штабе, было много. Этим и занялись.

Улучив свободную минутку, Семен Михайлович позвонил И. В. Сталину и М. И. Калинину. Те обрадовались приезду знакомых фронтовиков, пригласили их на заседание IX съезда партии, обещали устроить встречу с В. И. Лениным. И хотя Семен Михайлович много слышал о Ленине как о внешне обыкновенном человеке, пылкое воображение рисовало Ильича высоким, широкоплечим, с крупной головой и суровым взглядом проницательных глаз.

Командарм стоял в группе военных делегатов съезда, ожидая появления В. И. Ленина. И не заметил, когда быстро идущий по коридору среднего роста человек, с небольшой бородкой, подошел к военным и, окидывая его с ног до головы прищуренным взглядом, спросил:

— Так вы и есть тот самый Буденный? Как дела, товарищ Буденный?

— Слава богу, Владимир Ильич,— с трудом приходя в себя от неожиданности, ответил командарм.

— Это, выходит, по-русски — хорошо. Значит, «слава богу»? — звонко и заразительно рассмеялся Ленин и тут же, посерьезнев, добавил:— О вашем приезде мне уже говорили, но я не ожидал увидеть вас так скоро. Идемте на заседание, а о делах поговорим позже.

После вечернего заседания съезда, когда делегаты отправились ужинать, В. И. Ленин пригласил командиров-конармейцев к себе в кабинет, находившийся в Кремле. Он хотел знать абсолютно все связанное с жизнью конников — в каких боях участвовали за последнее время, награждены ли отличившиеся, каково состояние политической работы в полках, как относятся бойцы к политике партии и Советской власти, что можно сказать об их настроении, каков классовый, национальный и даже возрастной состав бойцов 1-й Конармии, достаточно ли обмундирования,

продовольствия, медикаментов, боеприпасов и фуража, хватает ли газет и агитлитературы... Вслушиваясь в ответы, Ильич делал пометки в блокноте. Беседа была дружеской, сердечной, располагала к взаимной откровенности. Порою Ленин обменивался взглядом с Ворошиловым, которого знал еще по Стокгольмскому съезду партии. По всему чувствовалось, что Ильичу понравился Семен Буденный — подтянутый, бравый командир, так много сделавший для защиты Советской власти. После того как командарм живым, народным языком нарисовал картины сражений 1-й Конной на Южном и Кавказском фронтах, Владимир Ильич заметил:

— Что же, выходит, мы правильно поступили, создав Конную армию. Таких армий не было в истории. Белые имеют только конные корпуса... Да, товарищи,— продолжал он, все более и более воодушевляясь,— революция ломает все старое, отжившее и выдвигает новые, прогрессивные формы организации, в том числе и в военном строительстве.

Всматриваясь в доброе и в то же время сосредоточенное лицо Ленина, вслушиваясь в его голос, Семен Михайлович невольно припоминал трудности, которые пришлось пережить при организации 1-й Конной. Именно этот сугубо штатский на вид человек, великолепно разбирающийся в военном деле, отбросив всех рутинеров, помог создать грозу белогвардейщины — 1-ю Конармию.

Кратко обрисовав внутреннюю и международную обстановку, В. И. Ленин сказал, что теперь белопанская Польша стала главной ударной силой Антанты. Политическая цель ее нового похода остается прежней: уничтожение Советской власти в России, восстановление в ней буржуазно-помещичьего строя.

— Империалисты намерены,— сказал в заключение Ильич,— польский пролетариат и беднейшее

крестьянство бросить в новый пожар войны и на их крови умножить свои богатства.

Беседа затянулась. Несколько раз в кабинет заглядывал секретарь. В. И. Ленин посмотрел на часы и поинтересовался планами переброски 1-й Конной армии на другой фронт.

— Только, пожалуйста, не растягивайте сроки, нужно спешить,— сказал он.

На следующий день в перерыве между заседаниями съезда партии у конармейцев произошла еще одна встреча с В. И. Лениным, который в коротком разговоре подтвердил — надо начинать переброску Конармии на запад. Торопил и Главком С. С. Каменев. Как только все основные вопросы в полевом штабе были решены, он сказал:

— Начинайте двигаться на Ростов. Дальнейший маршрут определит командующий Юго-Западным фронтом товарищ Егоров. Ваша армия переходит в его распоряжение.

И Буденному, и Ворошилову хотелось бы еще несколько дней пробыть в Москве, но обстановка требовала немедленного выезда в Конармию. В первых числах апреля ее части выступили из Майкопа. Кроме уже испытанных в боях дивизий теперь в ее состав вошла вновь сформированная из добровольцев — горняков и металлургов Донбасса, портовых рабочих и металлистов Таганрога — 14-я кавдивизия.

В начале похода в станице Кущевской состоялась III армейская партийная конференция. Заслушав доклады о текущем моменте и решениях IX съезда партии, делегаты обсудили вопрос о деятельности политотдела армии, выслушали сообщения политотделов дивизий. Конференция обратила внимание всех партячеек частей на усиление внутрипартийной работы, на прием в партию наиболее отличив-

шихся бойцов. Тяга людей в партию была огромной. Заявления пожелавших вступить в ее ряды и приложенные к ним рекомендации были немногословны, но выразительны. В них содержалась исчерпывающая характеристика: участвовал в боях под Царицыном, Воронежем, Касторной, освобождал Донбасс, форсировал Дон, дрался за Ростов и Егорлыкскую; был ранен, контужен, награжден орденом Красного Знамени...

Коммунисты были первыми в боях, первыми оказались и в начавшемся тысячеверстном походе, в преодолении всех его трудностей. А невзгоды начались сразу. Весенние паводки снесли мосты, и надо было строить переправы через разлившиеся реки. Особенно сложным оказался переход через Батайские лиманы: паводок размыл дамбы, по которым проходила дорога на Ростов. Пришлось среди апрельской распутицы восстанавливать дорогу, засыпать промоины. Большую трудность представлял переход через Дон, где уцелел только один железнодорожный мост. По призыву Реввоенсовета 1-й Конармии на помощь бойцам пришли трудящиеся Батайска и Ростова. Два дня кипела жаркая работа. На сотнях подвод перевозились кирпичи, доски, бревна, земля. В ход пошли пилы, топоры, лопаты — сооружались подъездные пути, укладывался дощатый настил на железнодорожное полотно. Люди трудились дружно.

В десять часов утра 20 апреля конармейцы, окруженные толпами ростовчан, эскадрон за эскадроном, полк за полком торжественно прогарцевали по празднично принаряженным улицам города, одетого в нежную весеннюю листву бульваров и садов. С М Буденный принял два Красных знамени — от трудящихся Москвы и рабочих Ростова. Они развевались над колоннами буденновцев рядом с бое-

выми знаменами полков, идущих навстречу новым сражениям.

23 апреля Конармия двинулась из-под Ростова к берегам Днепра. Каждой дивизии определили маршрут и рубежи, которых она должна была достигнуть за суточный переход. Поскольку марш совершался в районах, где разгуливали анархистско-кулацкие банды, вперед и на фланги высылалась разведка, назначалось походное, а на дневках и сторожевое охранение.

Особую предосторожность С. М. Буденный приказал сохранять 14-й кавдивизии, маршрут которой пролегал через район Гуляй-Поля — «столицы» банд Махно. Предосторожность оказалась не напрасной. Вечером 28 апреля передовые дозоры столкнулись с конными разъездами махновцев. Пленные показали, что в Гуляй-Поле находится сам Махно со штабом и крупными силами. Утром начдив-14 А. Я. Пархоменко атаковал село. Махновцы оказали яростное сопротивление, но, разобравшись, что перед ними буденновцы, умчались, чтобы еще не раз появляться на пути движения 1-й Конармии. Командиры бригад и полков то и дело обращались к Буденному за разрешением окончательно разгромить махновцев. Но для этого надо было отклоняться в стороны от оси маршрута, а времени в обрез. Командующий Юго-Западным фронтом А. И. Егоров поторапливал: на западе белополяки на широком фронте теснили наши части.

А. И. Егоров приехал в район Павлограда ознакомиться с состоянием 1-й Конной. Вместе с ним прибыл С. К. Минин, назначенный членом Реввоенсовета Конармии. После смотра частей командующий фронтом пригласил командиров в штабной вагон и, разложив на столе оперативную карту, подробно рассказал, что происходит на фронте. Уточнил бли-

жайшие задачи: переправиться через Днепр и спешно двигаться на Елисаветград.

Почти одновременно все дивизии Конармии вышли к широко разлившемуся Днепру. 6, 11 и 14-я кавдивизии должны были переправляться в Екатеринославе. Махновцы повредили железнодорожно-шоссейный мост, но рабочие, обрадованные приходом красных конников, быстро исправили повреждения. С крутого берега Днепра Реввоенсовет 1-й Конармии наблюдал, как под звуки «Интернационала» эскадрон за эскадроном переходили дивизии через мост в шумный, ликующий город, освобожденный от белогвардейцев. Свежий ветер надувал кумачовые плакаты и транспаранты, на которых были написаны приветственные лозунги.

После стихийных митингов и пленума губернского исполкома С. М. Буденный направился в городскую библиотеку. Ему хотелось найти книги с описанием действий польской кавалерии. В свое время шляхетская конница считалась лучшей в Европе. В библиотеке ему дали несколько иллюстрированных книг по военному искусству, среди них том с описанием действий польских кавалеристов. Хотя за минувшие сто с лишним лет в тактике конницы произошли серьезные изменения, дух польской кавалерии, ее методы ведения боя остались прежними. С. М. Буденный стремился глубже познать их.

Как только части 1-й Конармии выступили из Екатеринослава, в Реввоенсовет пришла тревожная телеграмма из штаба фронта: белополяками занят Киев. Командарм понял — придется вступать в бои без отдыха, с ходу. В двадцатых числах мая, как и было приказано, части вышли на намеченный рубеж. Беспримерный марш заканчивался. За полсотни суток с боями против крупных банд Махно и Петлюры, с преодолением многих водных преград

пройдено свыше тысячи верст. Конармейцы выдержали серьезное испытание. Задание В. И. Ленина о скорейшей переброске 1-й Конной с Северного Кавказа на Правобережную Украину выполнено!

Юго-Западный фронт получил солидное пополнение — 1-я Конная имела в своем составе четыре кавдивизии и бригаду особого назначения. За время тысячеверстного похода число коммунистов в ее частях возросло почти втрое — чуть ли не каждый пятый конармеец стал коммунистом. Не только в полках, но и в эскадронах и даже во взводах были созданы партячейки.

Перед началом боевых действий в 1-ю Конную вновь приехал Председатель ВЦИК М. И. Калинин, один из лучших пропагандистов и агитаторов большевистской партии. Популярность его была необыкновенной, в лицо его знали тысячи конников, а сотни буденновцев лично беседовали с ним. В день приезда он с пулеметной тачанки, приспособленной под трибуну, выступил перед бойцами. М. И. Калинин говорил так, что каждое слово доходило до сознания бойцов:

— Послав войска буржуазно-помещичьей Польши на советскую землю, Антанта начала новый поход на первое в мире государство рабочих и крестьян... Мы не одиноки в борьбе, миролюбивую политику Советского правительства поддерживает закаленный в революционной борьбе польский пролетариат и беднейшее крестьянство польских деревень.

Рассказав о большом патриотическом подъеме, охватившем фабрики и заводы, М. И. Калинин на память привел слова В. И. Ленина, сказанные на объединенном заседании ВЦИК, Московского Совета, профсоюзов и фабрично-заводских комитетов: «...раз дело дошло до войны, то все должно быть

подчинено интересам войны, вся внутренняя жизнь страны должна быть подчинена войне, ни малейшее колебание на этот счет недопустимо».

Объезжая кавдивизии и бригады, М. И. Калинин повсюду объяснял конармейцам справедливый, освободительный характер войны против белопанской Польши. Сопровождая его в этой поездке, С. М. Буденный учился умению разговаривать с людьми, доходчиво и просто объяснять сложные политические вопросы. М. И. Калинин, беседуя с бойцами, часто задавал им вопросы, и командарму было приятно слушать ответы, свидетельствовавшие о понимании конармейцами своей высокой миссии.

В боях на Западе

Директивой штаба Юго-Западного фронта 1-й Конармии была поставлена боевая задача. Используя разобщенность двух группировок белопольских войск на Украине — киевской и одесской, командующий фронтом решил прежде всего разгромить наиболее крупную — киевскую. С этой целью 1-й Конной — ударной группировке фронта — надлежало перейти в наступление вразрез между двумя группировками противника, захватить район Казатин — Бердичев и, повернув на северо-восток, ударить в тыл белополякам, находившимся в районе Киева.

Буденный отчетливо представлял трудности выполнения боевой задачи. Командующий фронтом не смог выделить в помощь конармейцам ни одной стрелковой дивизии. А впереди хорошо подготовленные в инженерном отношении оборонительные позиции врага. На подступах к ним действуют многочисленные петлюровские банды. Успех во многом зависел от смелых, инициативных и решительных дейст-

вий. Поскольку наступление 1-й Конармии планировалось на широком, шестидесятиверстном, фронте, в высоких темпах (по тридцать — сорок верст в сутки), была продумана система связи между штабом и соединениями с использованием условных сигналов.

Наступление на казатинском направлении Конармия начала 27 мая. Первой в соприкосновение с белопольскими пехотными частями вошла 6-я кавдивизия в районе села Сологубовка. И панские жолнежи сразу почувствовали ее силу. В тот же день 4-я кавдивизия на реке Березянке столкнулась с передовыми эскадронами крупной конной группы противника, а 11-я кавдивизия подошла к сильно укрепленному опорному пункту Дзюканов. Поздно ночью, получив донесения из частей и при свете керосиновой лампы просматривая их вместе с К. Е. Ворошиловым, командарм подвел итоги первых схваток: удалось установить конфигурацию и характер обороны, состав некоторых соединений противника, а самое главное — способность их к сопротивлению.

Трое суток с переменным успехом гремели бои. Однако прорвать подготовленную за несколько недель оборону неприятеля буденновцы не смогли. Многое пришлось передумать Семену Михайловичу в эти тревожные дни и бессонные ночи, многое пришлось пересмотреть штабу 1-й Конной, ее командирам и политработникам. Привычные, выработанные в сражениях на Южном и Кавказском фронтах тактические приемы борьбы, развертывавшейся, как правило, на равнинах, теперь следовало менять. Если ранее тактика буденновцев определялась обходами и охватами противника, внезапными ударами по флангам и с тыла, завершавшимися стремительными атаками в конном строю, то теперь бои с противником, располагавшим сильной пехотой, прочными оборонительными сооружениями, имевшим хорошо подго-

товленные кавалерийские части, требовали иных приемов.

Неудачи наступления определялись и другими обстоятельствами. Оказалось, что перед конармейцами находится не одна пехотная дивизия противника, как указывалось в оперативных документах фронта, а две, да еще крупные конные части. К тому же нашей 12-й армии, наступавшей правее, не удалось переправиться через Днепр севернее Киева. Но каковы бы ни были причины этих неудач, задачу следовало выполнять. С. М. Буденный всегда считался с мнением подчиненных. И на сей раз, прежде чем отдать приказ, решил проверить все соображения и сомнения в обстоятельном разговоре со старшими командирами. В полевой штаб съехались начдивы и комиссары дивизий, начальники штабов и начальники политотделов — С. К. Тимошенко, Ф. М. Морозов, А. Я. Пархоменко, Д. Д. Коротчаев, П. В. Бахтуров, А. В. Хрулев, П. К. Случевский, К. И. Озолин и другие. У каждого имелись свои мысли о том, как надо бороться с противником в новых условиях. Подводя итоги совещания, Семен Михайлович сказал:

— Так, как мы начали воевать на белопольском фронте, не годится, товарищи. Нельзя брать противника на «ура». Мы должны найти новые тактические формы применительно к условиям, которые навязывает умный и сильный противник. Всякий бой следует выигрывать и тут же развивать неотступное преследование врага.

Конкретные предложения командарма были отражены в специальном приказе, рекомендовавшем ряд новых тактических приемов. Приказ требовал сочетать атаки в пешем строю с фланговыми ударами конных подразделений. Давались практические советы об использовании пулеметных тачанок и полковых пушек, о сторожевом охранении и усилении раз-

ведки. Изученный во всех эскадронах, приказ этот помог командирам организовать более эффективные удары по врагу. Он стал формулой совершенствования боевого мастерства буденновцев.

Туманным утром 5 июня после перегруппировки 1-я Конармия пошла на прорыв обороны белополяков. По замыслу Буденного, главные силы армии наносили мощный удар там, где, как установила разведка, находился стык между фланговыми дивизиями двух армий противника.

Спешенные эскадроны первого эшелона, сопровождаемые бронеавтомобилями, без выстрелов двинулись вперед. Белополяки открыли сильный огонь, и эскадронам пришлось залечь. Тогда командарм приказал огнем артиллерийских дивизионов подготовить вторую атаку. Загремели пушки. Вместе с начдивом-14 А. Я. Пархоменко и полуэскадроном ординарцев командарм поскакал на высоты, куда вот-вот должны были подойти основные силы 14-й кавдивизии. С холма, увенчанного ветряной мельницей, он разглядел в бинокль группу неприятельской конницы, видимо, несущей охрану стыка между опорными пунктами обороны. Решение созрело мгновенно. Во главе оказавшегося под рукой передового эскадрона Буденный помчался в атаку. Бой с уланами был стремительный, короткий. Через несколько минут в лощину подскакали полки 14-й кавдивизии, и А. Я. Пархоменко повел их в обход опорного пункта белополяков.

Наметился успех и у 4-й кавдивизии. Ее спешенные эскадроны энергично штурмовали позиции вражеской пехоты. Буденновцы набрасывали на проволочные заграждения бревна, шинели, рубили проволоку шашками, рвали гранатами. И вскоре бой закипел в траншеях. Командарм, наблюдавший за ходом боя в бинокль, заметил, как из леса выдвигается

крупная кавалерийская часть. Это была уланская бригада, намеревавшаяся контратаковать буденновцев с фланга. «Успеют ли хлопцы перестроиться?» — подумал Семен Михайлович. Но едва белополяки, выхватив палаши, двинулись вперед, застрочил пулемет. По замешкавшимся уланам ударила бригада Федора Литунова. Вражеская контратака оказалась сорванной.

К полудню выглянуло солнце, освещая бегущих белополяков. Фронт прорван! В горловину прорыва вливались новые и новые кавалерийские части. Буденновцы крупной рысью продолжали двигаться вперед на тылы киевской группировки противника. Вечером командарм получил радостные донесения. Громя по пути небольшие гарнизоны белополяков, конармейцы углубились на два с лишним десятка верст в оперативное расположение неприятеля. Но, несмотря на достигнутый успех, обстановка усложнилась. Ничего не было известно о судьбе соседних армий, связь со штабом фронта оборвалась.

Реввоенсовет 1-й Конной решал задачи со многими неизвестными. В полевом штабе рассматривались два предложения: овладеть железнодорожным узлом Казатин, как поначалу предписывала директива штаба фронта, или повернуть на Бердичев и Житомир — разрезать надвое весь фронт противника. Было над чем призадуматься! Бои за сильно укрепленный Казатин наверняка сковали бы 1-ю Конармию на несколько суток. Наступая на Бердичев и Житомир, можно было разгромить неприятельские штабы, прервать связь между группировками противника, перехватить важные коммуникации. После обстоятельного обсуждения был отдан приказ: 4-й кавдивизии захватить Житомир, а 11-й — Бердичев; склады с оружием и боеприпасами иностранного образца взрывать; пленных офицеров препровождать в

полевой штаб, а солдат обезоруживать и распускать по домам.

Менее суток длился житомирско-бердичевский рейд, возглавляемый начдивами Д. Д. Коротчаевым и Ф. М. Морозовым. Внезапно ворвались конники в Житомир, вывели из строя связь с Киевом и другими городами, взорвали железнодорожный мост и артиллерийский арсенал, захватили продовольственные склады и эшелон с кавалерийскими конями. Значительно труднее сложилось все у Ф. М. Морозова. Засевшие в Бердичеве белополяки оказали сильное сопротивление. Только к полуночи всадникам удалось ворваться в город, перерезать провода связи, уничтожить склады с миллионом снарядов, вывести из строя железнодорожные пути.

Рейд буденновцев ошеломил белополяков. С выходом в район Житомира и Бердичева конармейцы углубились в расположение противника почти на полтораста верст. Но что происходило под Киевом и в самом Киеве, С. М. Буденный не знал. Связи со штабом фронта не было, по-прежнему приходилось действовать на свой страх и риск.

Размышляя, куда противник отведет свои части из-под Киева, командарм пришел к выводу, что наиболее вероятным направлением может быть железная дорога Киев — Коростень. Он послал туда специальный отряд, приказав ему разрушить железнодорожный мост; другому отряду поручил оседлать шоссе Киев — Житомир. Основными же силами С. М. Буденный решил действовать навстречу войскам нашей 12-й армии. Это был смелый замысел. Однако, как только начались приготовления к задуманному маневру, пришла радиограмма из штаба фронта: «Безотлагательно поверните на запад».

Приказ есть приказ. К вечеру 11 июня части Конармии достигли Коростышева, перехватили шоссе

Житомир — Киев, перерезали железную дорогу Киев — Фастов — Житомир и Киев — Казатин. Все пути отхода неприятелю оказались отрезанными. Но связь со штабом фронта вновь нарушилась. Беспокоило Семена Михайловича и то, что за неделю боев и форсированных маршей в дивизиях израсходовали фураж, истощился боезапас. Обозы со снаряжением, продовольствием и фуражом далеко за линией фронта. Выход один — трофеи.

1-я Конармия подвергалась массированным налетам вражеских аэропланов. Конармейцы впервые встретились с воздушным противником. Поначалу его налетам в дивизиях и полках не оказывалось сопротивления — конники рассыпались по полю или укрывались в перелесках. С. М. Буденный потребовал, чтобы при появлении аэропланов полки расчленялись поэскадронно или повзводно и продолжали движение, а дежурные подразделения вели по самолетам прицельный огонь.

Наконец установилась более надежная связь со штабом фронта. Обстановка сложилась несколько иначе, чем там предполагали,—3-я армия белополяков отходила из Киевского района не на Казатин и Житомир, а в северо-западном направлении — на Коростень. 1-я Конармия, находившаяся у Житомира, оказалась удаленной на сто верст от 12-й армии, преследовавшей противника, и, конечно, не только окружить белополяков, но и перехватить пути их отхода не успевала. Почему же разумно задуманная операция по ликвидации киевской группировки белополяков не получила завершения? Раздумывая над этим, Семен Михайлович искал причины, помешавшие полностью выполнить боевую задачу. По-видимому, сказалось и замедленное продвижение 12-й армии, которую задержали взорванные белополяками мосты через Днепр, и отсутствие надежной связи со

штабом фронта, и недостаток опыта по окружению крупных войсковых группировок противника, и промахи в действиях некоторых командиров-конармейцев. Но как бы там ни было, это не смогло затмить общего успеха войск Юго-Западного фронта, отбросивших оккупантов на двести верст, давших возможность войскам соседнего, Западного фронта подготовиться к контрнаступлению.

Уже десять суток 1-я Конная совершала рейд по Южному Полесью. Семен Михайлович спал по два часа в сутки не раздеваясь, не снимая сапог. Проливные дожди размыли дороги, вздули болота, которыми изобиловала местность. Орудия и тачанки вручную вытягивали из липкой грязи. И люди, и кони выбивались из сил. Сказывался недостаток в боеприпасах, продовольствии, фураже. Реввоенсовет 1-й Конной решил дать бойцам и коням небольшой отдых.

Передышка была кратковременной. Вечером 16 июня пришел приказ —1-й Конармии с приданными ей 45-й стрелковой дивизией И. Э. Якира и кавбригадой Г. И. Котовского овладеть районом Новоград-Волынского, а затем развивать наступление на Ровно. Трудность выполнения задачи заключалась в том, что две дивизии вели бои далеко — под Коростенем. С. М. Буденный, поразмыслив над обстановкой, предложил штабу фронта свой вариант действий: армию поделить на две части; главный удар нанести по Новоград-Волынскому, одновременно обходя с флангов коростенскую группировку белополяков. Смелый план получил одобрение командующего фронтом А. И. Егорова.

Маневрируя, изматывая противника, конармейцы приблизились к городу, затянутому дымом пожаров. Не давая передохнуть противнику, Семен Михайлович повел конармейцев на штурм. Белополяки оказывали сильное сопротивление. Бой затянулся до

глубокой ночи. К утру все же буденновцы ворвались на улицы города. Над домами взвивались красные флаги, население приветствовало освободителей.

Овладение Новоград-Волынским явилось новой крупной победой 1-й Конармии. Ее успехи признавал и противник. Для борьбы против советской конницы пилсудчиками выдвигались резервные соединения. А 1-й Конной предстояло стремительно и дерзко преодолеть реки Корчик и Горынь, пройти восемьдесят верст и занять Ровно.

Сидя над картой, С. М. Буденный прикидывал варианты наступления, делился мыслями с работниками штаба, где и какими силами нанести главный удар. Правым флангом? Но там болотистая местность, топи, да и возможны контратаки со стороны противника. Наступать по шоссе, в лоб? Значит, противоречить своему же приказу, запрещающему лобовые атаки конницы на сильно укрепленные позиции противника. Выходило — лучше всего ударить по правому флангу противника, где и оборона слабее и, как утверждают местные крестьяне, на Горыни есть песчаные броды.

Жаркими днями 2 и 3 июля конармейцы сбили противника с его позиций и захватили небольшие плацдармы на западном берегу Горыни. К ночи 4 июля в сильную грозу ударная группа 1-й Конармии еще продвинулась на запад, железнодорожный узел Здолбунов был взят.

По шоссе с севера белополяки пустили танки и полк легионеров. Контратаку поддерживали три бронепоезда. Семену Михайловичу, находившемуся на командном пункте, было видно, как попятились озадаченные бойцы при виде стальных машин. Буденновцы встретились с танками впервые. Выручили артиллеристы. Выкатив орудия на железнодорожную насыпь, они разом открыли огонь и по бронепоездам,

и по танкам. С первых выстрелов удалось взорвать котел паровоза ближайшего бронепоезда, поджечь головные танки. Вид горящих машин ободрил конармейцев, внес сумятицу в ряды белополяков. На плечах противника под железный вой снарядов красные конники стали приближаться к Ровно.

Город оказался в полукольце наступавших войск. Белопольские легионеры приспособили для обороны дома, цеплялись за каждую улицу. Но паника уже бушевала среди вражеских солдат. Многие роты без приказа пятились на север, к единственной горловине, через которую еще можно было вырваться из охваченного огнем города. Блестяще задуманный план Буденного осуществлен! Командарм со своим штабом въехал в Ровно. На скорую руку подсчитали основные трофеи: два бронепоезда, эшелон с военным имуществом, два танка, обозы, свыше тысячи лошадей. Глубокой ночью в отеле «Версаль», занятом под полевой штаб, С. М. Буденный и К. Е. Ворошилов составили телеграмму, адресованную В. И. Ленину и М. И. Калинину: «Город Ровно 4 июля в 23 часа взят доблестными частями 1-й Конной армии. Враг, оставив много убитых и пленных, а также трофеи, под ударами наших частей в панике отступил в северном и западном направлениях. Ясновельможный пан Пилсудский может быть уверен, что его подлая авантюра жестоко будет разбита саблями красных бойцов 1-й Конной армии».

Командарма радовал успех в боях за Ровно, но беспокоило, что 1-я Конная еще больше оторвалась от соседей. Ее открытым флангам угрожала 2-я польская армия, подобно туче нависшая с севера в двух десятках верст от города. В самом деле, не прошло и двух дней, как завязались ожесточенные бои с наседавшим противником. Белополяки силились разделаться с буденновцами. Маневрируя, переходя в

контратаки, конармейцы самоотверженно отбивали натиск врага. На какое-то время белополякам удалось вновь ворваться в Ровно.

В боях за город конармейцы понесли невосполнимую утрату — в контратаке погиб легендарный Олеко Дундич, боец-интернационалист, храбрейший человек. Он слыл лихим рубакой. На его счету было несколько десятков уничтоженных белых офицеров. Семену Михайловичу, до глубины души огорченному гибелью боевого товарища, невольно припомнилось заседание Реввоенсовета, на котором несколько месяцев назад решался вопрос о награждении Олеко Дундича. В протоколе тогда записали: «Наградить орденом Красного Знамени командира образцового кавдивизиона тов. Дундича за то, что, состоя в Красной Армии с самого образования таковой, он непрерывно участвовал в боях и, неоднократно раненный, своим примером постоянно воодушевлял красноармейцев, являя собой образец идейного борца за интересы революции, а также за то, что неоднократными лихими налетами у Воронежа наносил вред противнику, деморализуя его части, чем неоднократно доказал свою преданность Революции и Рабоче-Крестьянской власти». Погибшего смертью храбрых Олеко Дундича похоронили в мягкой ровенской земле. Многие бойцы плакали над свежей могилой, усыпанной цветами.

Несколько суток не прекращались бои. Белополякам, несмотря на все их усилия, не удалось осуществить свой замысел — уничтожить 1-ю Конную. 10 июля над Ровно вновь взвился красный флаг.

Боевые действия продолжались. Армии Западного фронта, тесня противника, продвигались в глубь Белоруссии. Войска Юго-Западного фронта тоже шли вперед. Директива штаба фронта предполагала дальнейшее развитие наступления на галицийском на-

правлении, в том числе 1-й Конармии с 45-й стрелковой дивизией — на Луцк, Грубешов, Люблин, Луков. Раздумывая, как лучше выполнить приказ, С. М. Буденный тревожился за левый фланг. Если справа 1-я Конная имела тесную связь с 12-й армией, то слева образовался большой разрыв с 14-й армией. Там активно действовала группировка противника, насчитывавшая свыше десяти тысяч штыков и сабель. Почти сутки длился бой с этой группировкой на местности, отнюдь не благоприятствовавшей действиям конницы. В полевом штабе кое-кто предлагал перестать «возиться» здесь и всеми силами быстрее двинуть на Луцк. Предложение заманчивое. Но командарма беспокоила мысль о стоверстной бреши, которая образуется на фронте. «Не покончив с этой группировкой, наступать нельзя»,— доложил он в штаб фронта. А. И. Егоров согласился с этим и, чтобы предоставить 1-й Конной бо́льшую возможность маневрирования, подчинил ей 24-ю стрелковую дивизию.

Четверо суток понадобилось для разгрома противника — массированный артиллерийский огонь, конные атаки, рукопашный бой в траншеях. Буденный руководил боевыми действиями, подсказывал начдивам решения. Его железное спокойствие передавалось войскам. В конце концов белополяки в беспорядке отошли. Их неотступно преследовали части Конной армии и 45-я стрелковая дивизия И. Э. Якира, с которым Семену Михайловичу впервые довелось встретиться в этих боях. Бесстрашный двадцатичетырехлетний начдив понравился командарму.

Новое распоряжение штаба Юго-Западного фронта заставило изменить оперативные планы. 1-й Конармии предписывалось стремительным рейдом овладеть районом Львова и захватить переправы через реку Сан у Перемышля. Собрав в полевом штабе

боевых соратников за ведерным самоваром, Семен Михайлович обсудил создавшееся положение. Приказ о наступлении на Львов и обрадовал и насторожил. Внимательно изучая оперативные сводки, командарм предположил, что белополяки намеренно отходят на заранее подготовленные рубежи, сохраняют силы для контрудара. Связавшись по прямому проводу с А. И. Егоровым, он высказал свои опасения. Однако комфронта подтвердил — овладение львовским районом частями 1-й Конармии санкционировано Главкомом. Как показали последующие события, решение это оказалось ошибочным, ибо силы Юго-Западного фронта тем самым нацеливались не на взаимодействие с войсками Западного фронта, которые наносили главный удар на варшавском направлении, а на выполнение самостоятельной задачи — занятие Львова. Получилось так, что войска двух фронтов — Юго-Западного и Западного стали наступать в расходящихся направлениях и таким образом ослабляли свое воздействие на противника.

Тогда, однако, командарма 1-й Конной заботила лишь мысль о том, как лучше решить задачу, поставленную командованием Юго-Западного фронта. Изменение плана требовало быстроты и большой смелости. Для продвижения на Львов следовало разделаться с так называемой радзивилловской группировкой противника, овладеть Бродами. В полдень 25 июля три кавдивизии обложили засевших в этом городе белопольских жолнежей. После артиллерийской подготовки многотысячная лава красной конницы, поддерживаемая огнем пулеметных тачанок, устремилась в атаку. Но противник, открыв сильнейший заградительный огонь, устоял. Пришлось несколько раз повторять атаки и в конном и в пешем строю. До темноты продолжался изнурительный бой. Видя неимоверную усталость бойцов, командарм

приказал прекратить атаки. На рассвете он узнал, что белополяки, воспользовавшись ослаблением бдительности утомленных конников, ночью ускользнули из города. Многих командиров это обрадовало — противник сам оставил Броды. Но Семен Михайлович огорчился — из-за промашки сторожевого охранения недобитая группировка белополяков ушла.

С овладением Бродами открывался путь на Львов. Но, как это ни было заманчиво, сразу идти на Львов опасно: пленные в один голос твердили, что нависшие с правого фланга белопольские части нанесут удар по Бродам. Это могло отрезать 1-ю Конную от главных сил фронта. В такой обстановке лучше всего было решить две задачи как одну — ударной группой атаковать во фланг части противника, а другими соединениями продолжать выдвижение вперед.

Противник применил химические снаряды. Некоторые бойцы погибли, многих отправили в лазареты. С химическим оружием еще не приходилось встречаться. Применение его против кавалерии заставило искать средств защиты не только для людей, но и для коней. Припомнив рассказы тех, кто в первую мировую войну «хлебнул» газов в галицийских болотах, командарм посоветовал начдивам в случае химических атак немедленно покидать зараженные участки, спасать лошадей, надевая им на морды влажные торбы, набитые сеном.

У противника появились новые кавалерийские части, подошедшие из резерва. Сытые, рослые кони свежих уланских полков превосходили в быстроте и выносливости лошадей конармейцев, изнуренных походом. А до Львова оставалось еще сто верст. На пути к нему две крупные водные преграды — Стырь и Буг, прикрытые колючей проволокой и бетонированными блиндажами. Перед фронтом 1-й Конной — пять пехотных и две кавалерийские дивизии, не считая отдельных уланских полков.

Больше недели продолжались ожесточенные бои. С наседавшим противником приходилось драться в конном и пешем строю на местности, перекопанной траншеями. Чудеса героизма проявляли буденновцы — от рядового бойца до командарма, неоднократно водившего полки в атаки. В один из этих дней Семен Михайлович вместе с К. Е. Ворошиловым в сопровождении эскадрона Реввоенсовета направился в расположение 6-й кавдивизии, на участке которой сложилась трудная обстановка. Из леса, южнее села Лешнево, выходила и рассыпалась по полю неприятельская пехота. Грохотала артиллерия, неумолчно били пулеметы. Противник пытался охватить фланг дивизии.

— Почему не атакуете пехоту? Ждете, когда она зайдет в тыл? — соскочив с коня, спросил командарм.

— Двинуться в конном строю рискованно,— ответил начдив С. К. Тимошенко,— боюсь погубить под огнем и людей и лошадей...

Две бригады этой дивизии вели бой, а третья, под командованием И. А. Колесникова, всего только три дня назад бывшего командиром эскадрона, а теперь ставшего комбригом, находилась поблизости, в резерве. С. М. Буденный вызвал его к себе и, с удовольствием оглядывая рослую фигуру молодого командира, спросил:

— Неприятельскую пехоту видите?

— Вижу!

— Немедленной атакой во фланг надо отрезать ее от леса и уничтожить.

Командарм хорошо понимал, что задачу он ставил сложную. С. К. Тимошенко, опасавшийся атаковывать пехоту противника в конном строю, был в чем-то прав. Тем более что в самом начале боев Реввоенсовет специально предупреждал о том, что в новой обстановке не всегда можно добиться успеха кон-

ными атаками. Но ведь тогда дело шло о тактике наступления на пехоту противника, засевшую в окопах и траншеях, а сейчас она не прикрыта никакими фортификационными сооружениями. Ее огню надо противопоставить стремительность, лихость красных конников.

— Разрешите выполнять? — вскинув руку к кубанке, спросил И. А. Колесников.

— Действуйте,— приказал командарм. И тут же добавил:— Скажите бойцам, что в атаку вместе с ними пойдем и мы...

Через несколько минут в редкой роще бригада уже выстроилась, готовая к бою. Подскакав к бойцам, Буденный громко скомандовал:

— Шашки к бою! За мной, марш-марш!

Золотистый Казбек командарма прижал уши и широким прыжком перемахнул через кусты. Громко разнесся боевой клич конармейцев «ура!». Слева от Семена Михайловича скакал К. Е. Ворошилов, справа — комбриг И. А. Колесников. Сзади слышался храп сотен лошадей. На флангах лавы всадников, устремившихся к рассыпанным по полю фигуркам неприятельских солдат, карьером неслись пулеметные тачанки. Неудержимая атака!

Враз ударили десятки пулеметов противника. Впереди возник вал пыли, поднятый пулеметными очередями. За спинами буденновцев всплеснулись разрывы артиллерийских снарядов и мин. С каждой секундой огонь противника нарастал. Пожалуй, за все время боев на белопольском фронте Семен Михайлович не встречал столь плотного огня, окаймившего конников. Но пока что огонь этот не приносил им вреда. Дело решала стремительность атаки.

Семен Михайлович пришпорил Казбека. Не отставали от него конармейцы: заядлый рубака командир эскадрона Лось, могучий донской казак Мамонов,

казах Джюма, украинец Папула, чеченец Муртазов, неразлучные друзья Думченко и Костенко — десятки умелых бойцов, с которыми пройдено так много боевых верст... Слившись с конями, люди в бешеной скачке неудержимо приближались к врагу. Свист пуль, гулкие взрывы артиллерийских снарядов заглушали могучее конармейское «ура!».

Вихрем ворвалась бригада в боевые порядки вражеской пехоты. Эскадрон Реввоенсовета отрезал ей путь отхода в лес. В считанные минуты все было кончено. Угроза флангового обхода противником миновала. Спешившись, эскадроны повели бой в лесу. Присев на межу, командарм склонился над картой, планируя дальнейшие действия. И тут, откуда ни возьмись, появился белопольский солдат с судками в руках: он принес обед своему пану офицеру.

— Отлично,— засмеялся Семен Михайлович,— перекусим с устатку...

Населенные пункты переходили из рук в руки. В многодневном встречном сражении на реке Стырь трудно было определить победителя. Но мощные контрудары противника сорвали наступление конармейцев на Львов. Реввоенсовету армии было ясно — и людям и коням нужен небольшой отдых.

В Центральном государственном архиве Советской Армии сохранился документ, свидетельствующий о положении, в котором находилась тогда 1-я Конармия,— телеграмма С. М. Буденного, адресованная штабу Юго-Западного фронта и Главкому С. С. Каменеву. В ней говорилось: «Конная армия с 5 июня ведет непрерывные бои, не имея ни одного дня отдыха... Дивизии почти не получают хлеба и фуража, крайний недостаток в боеприпасах. Люди питаются картошкой и зелеными яблоками... Отсутствие продовольствия и фуража, постоянное двухмесячное напряжение совершенно обессилили ар-

мию». Далее в телеграмме излагались меры, которые могли вернуть частям высокую боеспособность. Штаб фронта разрешил произвести перегруппировку, вывести основные части в резерв. Относительное затишье, наступившее на фронте 1-й Конной, использовал и противник, укрепляя свою оборону.

Через несколько дней 1-я Конная вместе с другими соединениями Юго-Западного фронта вновь перешла в наступление. Планируя удары конников, С. М. Буденный решил прибегнуть к испытанному методу — действовать на стыке белопольских армий. Наши части хотя и медленно, но настойчиво продвигались к Западному Бугу. Вечером привели группу пленных. Командарм всегда выкраивал время для допроса пленных, стараясь получить интересующие его сведения из первых уст. И на сей раз пленные сообщили важные данные: из Львова к рубежам обороны, расположенным по Западному Бугу, спешно двигались две пехотные дивизии; к участку, намеченному для прорыва, подходила кавалерийская дивизия. Командарм раздумывал, размышлял, спорил с собой. «Медлить нельзя. Будем форсировать Буг, пока пилсудчики не сосредоточили крупные силы»,— решил он.

На рассвете 14 августа село Лопатин, где располагались Реввоенсовет и полевой штаб 1-й Конной, подверглось внезапному нападению двух пехотных полков противника. Только находчивость командиров, политработников и самого Семена Михайловича, быстро разобравшегося в обстановке, спасла положение. Бой за Лопатин длился до темноты. В тот же вечер пришло неожиданное сообщение: Главком переподчинял 1-ю Конную командованию Западного фронта. Этот приказ, казалось бы, должен был определить новые задачи. Но таких указаний пока не поступало. Следовательно, оставалось в силе прежнее

направление действий — на Львов. Так во всяком случае представляли себе и командующий и все члены Реввоенсовета 1-й Конной.

Наступление продолжалось. Передовые части Конармии завязали бой за переправы на Западном Буге. Противоположный берег крут и высок, укреплен еще в годы империалистической войны глубокими траншеями и бетонными пулеметными гнездами. Попытки форсировать реку на плечах отходящего противника оказались безуспешными. Слишком плотный артиллерийский и пулеметный огонь накрывал все подходы к реке. С. М. Буденный решил перенести усилия дивизий в другие места. В полках был брошен клич: «Коммунисты, вперед!» Ночью вплавь первыми переправились на западный берег реки эскадроны 6-й кавдивизии. На отвоеванный плацдарм вышла и 4-я кавдивизия. До вечера шел ожесточенный бой за расширение плацдармов. На конармейцев навалились конные и пехотные полки трех дивизий противника. С воздуха бомбила и обстреливала авиация. Но занятые конармейцами плацдармы удерживались прочно.

Слухи об успехах буденновцев проникли во Львов, вызвали панику среди буржуазии, чиновников, полиции. Вся эта публика бросилась из города, забивая дороги. Жандармерия производила массовые аресты и облавы в рабочих районах.

С. М. Буденный знал, что бой за Львов потребует серьезных усилий. Он рассчитывал на активную поддержку трудящихся города, особенно галичан, с нетерпением ждавших своего освобождения. 16 августа к исходу дня созрел план штурма Львова — одновременным ударом с трех сторон. Но как только работа была закончена, в штаб армии на автомобиле доставили пакет. Командарм сломал сургучные печати, нетерпеливо разорвал конверт, в котором ле-

жал приказ командующего Западным фронтом М. Н. Тухачевского. Полученная директива предписывала 1-й Конной армии сдать свой боевой участок частям 12-й армии и всем кавдивизиям четырьмя переходами сосредоточиться в районе Устилуг — Владимир-Волынский.

— А как же Львов?

Вопросов у командарма, у члена Реввоенсовета К. Е. Ворошилова и начальника штаба С. А. Зотова возникало множество, хотя главный смысл директивы был понятен: следовало прервать львовскую операцию. Посмотрели на оперативную карту. Фронт 1-й Конной простирался на полсотни верст. Стрелковые дивизии, о которых говорилось в директиве, были далеко и не могли сразу сменить конные части. Было над чем призадуматься. Как же оторваться от противника? Попытаться сделать это поэшелонно, дивизия за дивизией? Но ведь на столь широком фронте подобный маневр не останется незамеченным, и тогда неприятель получит возможность атаковать 1-ю Конармию по частям.

— Сначала все же разгромим львовскую группировку,— решил Семен Михайлович,— получим оперативную свободу для выполнения директивы.

Все согласились с этим выводом и телеграфировали комавдзапу, что, завершив львовскую операцию, Конармия двинется в указанном направлении. И еще двое суток, 17 и 18 августа, на подступах к Львову шли упорные бои. Несмотря на отчаянное сопротивление противника, конармейцы все ближе и ближе подходили к городу, охватывая его полукольцом.

Из Львова к Буденному пришла группа рабочих. Они сообщили: в городе несколько повстанческих отрядов численностью до десяти тысяч человек. Но у них не хватает оружия. «Помогите, дайте хотя

бы винтовки, а уж мы не останемся в долгу»,— просили рабочие.

У командарма возникла смелая идея: с помощью рабочих по известным им скрытным путям двинуть к городу спешенную кавдивизию и ворваться во Львов. Бои за город уже развернулись на окраинах, и неожиданное появление буденновцев в пригородах могло повлиять на штурм Львова. Ворошилов вызвался возглавить спешенную кавдивизию. Но смелому плану не суждено было сбыться. Поздним вечером доставили еще одну директиву штаба Западного фронта. Пришла она с запозданием на двое суток. В присланных документах сообщалось, что на варшавском направлении белополяки начали широкое контрнаступление. Обстановка там создалась критическая. Директива предписывала 1-й Конной сосредоточиться в районе Владимир-Волынского для нанесения удара в тыл люблинской группировке противника: наши войска на варшавском направлении нуждались в срочной помощи.

Свернув полковые знамена, буденновцы с тяжелым сердцем стали отходить на восток. Все угрожало: и тревожно нависшее небо, и ветер, таящий смятение, и тучи, набухшие дождем, и белопольские войска, идущие следом... Оставление конниками уже занятых рубежей усилило активность неприятеля. Уланы белополяков следовали за арьергардами 1-й Конармии. Положение усугублялось тем, что правый фланг 14-й армии вместе с группой И. Э. Якира тоже откатывался к Бугу, а 12-я армия, растянутая на фронте протяженностью чуть ли не в две сотни верст, так и не заняла предназначенного ей участка.

В ночь на 23 августа поступили новые директивы командзапа. 1-й Конармии в связи с изменившейся обстановкой приказывалось в четырехдневный срок

ударом через Замостье овладеть Красноставом, а затем наступать в направлении Люблина. Склонившись над картой, С. М. Буденный долго раздумывал, как лучше выполнить эту задачу. В сложившейся обстановке наступление на Замостье — Красностав выливалось в обособленную операцию, в которой конармейцам предстояло действовать с открытыми флангами.

На сей раз С. М. Буденный решил избрать оперативное построение дивизий в форме ромба. Целую неделю под непрерывными дождями, упорно преодолевая сопротивление врага, буденновцы наступали на Замостье. Командарм принимал все меры к тому, чтобы выяснить, какими силами располагает противник. Враг подтянул бронепоезда, непрерывно забрасывая суженный фронт 1-й Конармии сотнями осколочных и шрапнельных снарядов. Из перехваченного приказа белопольского командования Семен Михайлович узнал, что сильная группировка противника должна ударить по левому флангу 1-й Конной и во взаимодействии с другими частями разгромить ее.

Но тревожные вести не сломили буденновцев. В эти тяжелые дни все коммунисты и политработники личным примером и пламенным большевистским словом поднимали моральное состояние бойцов. Оставшись без боеприпасов, продовольствия и фуража, преодолевая невзгоды ненастья, 1-я Конармия продолжала пробиваться к Замостью.

Неприятель надвигался отовсюду — вот-вот армия окажется в окружении. Стиснутая в коридоре шириной около полутора десятков верст, она подвергалась нажиму противника справа и слева. Белополяки то и дело кидались в контратаки и со стороны Замостья. Наконец случилось то, чего Семен Михайлович остерегался больше всего: пришло известие,

что в тылу, захватив переправы на реке Хучва, неприятель отрезал 1-ю Конармию от войск Западного фронта.

Поскольку связь со штабом фронта прервалась, и, как видно, надолго, командарму следовало принять самостоятельное решение. Придя к выводу, что в создавшихся условиях продолжать наступление — значит погубить армию, Семен Михайлович отдал приказ на рассвете начать отход, тем более что и неприятель начал перегруппировывать свои части. Эта короткая передышка имела большое значение для 1-й Конной, готовившейся к прорыву. Снова оперативное построение войск командарм избрал в форме вытянутого ромба, расположив в его центре штаб, раненых и обозы. Спасти армию могло только мужество. С. М. Буденный собрал все силы для последней попытки вырваться из наметившегося окружения. В авангарде пошла кавдивизия С. К. Тимошенко. Нащупав слабое звено во вражеском кольце, она ударила по нему, смяла неприятеля, захватила переправы. 1-я Конная со всей артиллерией и тылами вышла из окружения. В долгом кровопролитном бою белополяки понесли существенный урон — они потеряли до тысячи солдат убитыми и до двух тысяч пленными, которых по приказу командарма отпустили на все четыре стороны.

Наконец на рубеже реки Горынь буденновцев сменили стрелковые части. 1-я Конная выводилась из боя. Главком прислал телеграмму: «С 24 часов 26 сентября 1-я Конная армия в составе всех входящих в нее конных частей переходит в мой резерв и в мое непосредственное подчинение. Имея в виду использовать всю силу грозной Конной армии для окончательной ликвидации Врангеля, рассчитываю, что она в полной мере оправдает надежды, возлагаемые на нее Рабоче-Крестьянской Республикой...»

Польская кампания для 1-й Конной закончилась. С. М. Буденный приказал штабу подвести итоги проведенных операций. За четыре месяца непрерывных сражений 1-я Конармия нанесла серьезные потери неприятелю, еще раз доказала жизненность крупных кавалерийских соединений, их способность решать задачи стратегического масштаба. Теперь, когда позади остались житомирский прорыв, операции под Ровно и Дубнами, бои на подступах к Львову и под Замостьем, командарму были видны все плюсы и минусы и собственных действий, и действий начдивов и комбригов. Немало допустили ошибок, но и сделали много, показали образцы мужества, героизма и беспредельной преданности Родине.

Разгром Врангеля

Все время, пока шла борьба с белополяками, на юге России вновь собирались крупные силы белогвардейщины, которыми теперь командовал генерал Врангель. При поддержке Антанты ему удалось создать долговременные фортификационные укрепления на узких перешейках, соединяющих Северную Таврию с Крымом. Дивизии Врангеля в июне 1920 года вышли на степные просторы Северной Таврии и нависли над Донбассом и тылами Юго-Западного фронта. К тому времени, когда буденновцев вывели в резерв, врангелевские войска действовали на левом берегу Днепра. Для борьбы с ними был создан новый, Южный фронт. По предложению В. И. Ленина командующим войсками фронта назначили М. В. Фрунзе.

30 сентября 1-я Конармия, как и полгода назад из-под Майкопа, снова двинулась походным поряд-

ком, взяв направление на Крым. Шли мимо полей с неубранным хлебом, по разбитым войной дорогам. Надо было пройти более семисот верст. В полусожженных селениях не было ни продовольствия, ни фуража, ни лошадей. Как и весной, когда 1-я Конная двигалась с Кубани и Дона на Днепр, пришлось встречаться с многочисленными бандами Петлюры и Махно.

По решению Реввоенсовета 1-й Конармии на походе в дивизиях и полках проводилась политическая и боевая подготовка. На коротких привалах ремонтировалось оружие, пополнялись запасы снарядов и патронов. Вскоре после начала марша провели очередную партийную конференцию, на которую собрались триста делегатов эскадронных, полковых, дивизионных и штабных партийных организаций, насчитывавших две с половиной тысячи коммунистов. Обсуждая предстоящие боевые действия против Врангеля, участники конференции говорили о необходимости повышения боеготовности и укрепления дисциплины. Подъему боевого духа среди конармейцев способствовал и приезд Председателя ВЦИК Михаила Ивановича Калинина. Буденный сопровождал гостя в его поездке по бригадам и полкам.

— Добьем Врангеля — и конец войне,— говорил М. И. Калинин, рисуя бойцам картины мирной трудовой жизни.

В. И. Ленин неослабно следил за походом конармейцев. 4 октября он телеграфировал Реввоенсовету 1-й Конармии: «Крайне важно изо всех сил ускорить передвижение вашей армии на Южфронт. Прошу принять для этого все меры, не останавливаясь перед героическими». Через несколько дней пришла еще одна телеграмма от Владимира Ильича: «Успех предстоящего удара в значительной степени зависит от 1 Конной. Предлагаем РВС 1 Конной приме-

нить самые героические меры для ускорения сосредоточения...» Ленинские депеши, зачитанные по указанию С. М. Буденного в полках и эскадронах, воодушевили бойцов.

Дождливой ночью в конце октября командующий Южным фронтом М. В. Фрунзе вызвал на станцию Апостолово С. М. Буденного и К. Е. Ворошилова. Тут впервые через полтора десятка лет, прошедших после Стокгольмского съезда партии, встретились два его делегата — М. В. Фрунзе и К. Е. Ворошилов. Семен Михайлович несказанно удивился, узнав в командующем большевика Михайлова, который руководил в 1917 году действиями солдатских комитетов в Минске. Так вот, оказывается, кто такой М. В. Фрунзе!

— Где сейчас ваши орлы? — спросил комфронта у Семена Михайловича.

— Подходят к Каховке,— ответил командарм.

В салон-вагоне М. В. Фрунзе кратко охарактеризовал положение войск фронта. Им предстояло разгромить тридцатипятитысячную группировку белых, треть которых составляла отлично вымуштрованная конница. Врангель располагал сотнями орудий, более чем полутора тысячами пулеметов, десятками танков, бронепоездами и несколькими авиационными отрядами. В тылу белых совершенствовались мощные оборонительные сооружения.

— Как видите,— сказал М. В. Фрунзе,— нам предстоит расколоть крепкий орешек. Но для предстоящей операции мы тоже собрали значительные силы... В состав фронта входят 6-я, 13-я, 4-я и две конные армии. Наша задача сводится к тому, чтобы окружить и уничтожить Врангеля,— и, пристально поглядев на Буденного и Ворошилова, сидевших у стола, заваленного картами, добавил: — 1-й Конной в ночь на 28 октября закончить переправу через

Днепр и двинуться на рубеж Аскания-Нова — Громовка. Надо отрезать противника от Крыма...

Сейчас в небольшом салон-вагоне предрешалась гибель последнего оплота контрреволюции — врангелевских войск. И Буденному виделся конец войны — как десятки тысяч красноармейцев вернутся к семьям, к земле, на заводы. Командарм знал: пулеметчики лихих тачанок мечтают взяться за чапиги плугов; не раз он видел, как конники вынимали из ножен шашки и наотмашь косили вызревшие колосья пшеницы. Бойцы уже давно мечтают о мирной, трудовой жизни...

Мглистым утром по качающемуся наплавному мосту, наведенному саперами, поэскадронно 1-я Конная двинулась на левый берег Днепра. Семен Михайлович наблюдал за переправой конников. Многих он знал в лицо, помнил, как дрались они под Касторной, при взятии Ростова, под Львовом. Но в колоннах было много новых лиц — 1-я Конармия пополнилась рабочими московских заводов, шахтерами Криворожья, селянами Украины. Как поведут себя они в бою? Ведь последнее сражение гражданской войны для них будет первым. А враг станет сопротивляться не на жизнь, а на смерть. Все оголтелое, ненавидящее Советскую власть собралось под черными знаменами барона Врангеля. Без надежд на успех, оно будет дорого отдавать свои жизни.

Все сильнее раскатывались громы артиллерийской канонады на восточном фасе Каховского плацдарма. Стрелковые полки 6-й армии перешли в наступление. Вслед за ними, обгоняя пехоту, на степные просторы устремились дивизии 1-й Конной. С. М. Буденный, в предвидении охвата главных сил противника, разделил свои войска на две группы — северную, устремившуюся на Айгаман, и южную, двигавшуюся к Отраде и Рождественскому.

Поначалу казалось, все идет хорошо. Было получено сообщение, что 2-я Конармия разбила один из лучших пехотных корпусов Врангеля. Это донесение повлияло на решение командюжфронта, который, посчитав, что противник начал отход в Крым, приказал 1-й Конной ускоренным маршем двигаться не к Серогозам, а на юго-восток — к Салькову. На самом же деле противник еще не был разбит и его главные силы не начинали отхода. Напротив, Врангель решил своей ударной группировкой прижать советские войска к Сивашу.

В тяжелом положении оказалась северная группа 1-й Конной. Возле Айгамана белые атаковали ее и потеснили на запад. С. М. Буденный вместе с К. Е. Ворошиловым в это время находился в южной группе. Ее головная 4-я кавдивизия разгромила запасный полк врангелевцев и двинулась на юго-восток, чтобы перекрыть пути отступления врага в Крым. Но сил для прочной закупорки их не хватало. Лишившись двух дивизий, связанных боями возле Айгамана — в полусотне верст от полештарма, С. М. Буденный чувствовал, что вот-вот на занятые им позиции навалятся обе врангелевские армии. Связь с северной группой была неустойчивой. Из отрывочных донесений можно было понять, что на нее нацелился конный корпус белых и его поддерживают два десятка бронеавтомобилей. Семен Михайлович, хмурясь и покусывая усы, отчетливо представлял, в каком положении находятся у Айгамана дивизии, в рядах которых много необстрелянных бойцов.

С каждым часом накалялась обстановка. Врангель, узнав, что в его тылу появилась красная конница, а фронт окружения продолжает сужаться, отдал в ночь на 31 октября приказ ударной группе отходить на юг и прорываться в Крым. Чтобы вы-

полнить этот приказ, следовало отбросить дивизии 1-й Конной, уже занявшей пути отхода. Утром первые колонны противника атаковали буденновцев в районе Ново-Алексеевки. Бой завязался жестокий. По железнодорожному полотну, ведя картечный огонь, двигались бронепоезда белых, а справа и слева от насыпи шли плотные цепи офицерских полков. Яростным атакам подверглись конармейцы и в районе Рождественского. И на охваченную пламенем пожаров Отраду, где расположился полештарм 1-й Конной, навалилось несколько полков врангелевской пехоты, поддержанной огнем артиллерии. Вражеская кавалерия на рысях стала обходить село. На коней сели все. Буденный возглавил кавполк Особой бригады, Ворошилов — кавдивизион Реввоенсовета. Буденновцам удалось отразить атаки противника. Но подавляющее превосходство пехоты и конницы белых все же вынудило красных конников отойти в Ново-Троицкое.

Как выяснилось, через Отраду пролегало главное направление движения ударной группы врангелевских войск. Рано утром между Ново-Троицким и Отрадой началось новое сражение. Полки красных конников поскакали на неприятеля, ворвались на покрытые пеплом улицы села, беспощадно рубя белогвардейцев. На выручку своим белые генералы послали бронемашины, выдвинули пулеметы. Но артдивизионы буденновцев быстро погасили их огонь. Однако подошедшие с севера свежие части белых вновь заняли Отраду.

В 10 часов 30 минут С. М. Буденный повторил атаку. Но она не имела успеха: слишком велико было численное превосходство врага. Подошли с севера полки 11-й и 14-й кавдивизий. Наконец-то Семену Михайловичу удалось собрать все части армии воедино. Теперь можно действовать более решитель-

но! Под вечер Особая кавбригада ворвалась в Отраду, тесня офицерские батальоны и терско-астраханскую конницу. 4-я кавдивизия вихрем обрушилась на конные полки белых. 11-я кавдивизия и бригада 6-й кавдивизии, обходя село, принудили противника отступить к юго-востоку.

Вслед за отходящим неприятелем устремилась дивизия О. И. Городовикова. Одна из ее бригад, наступая в пешем строю, после многочисленных атак, преодолев траншеи и проволочные заграждения, заняла Сальково. Две другие бригады фланговым обходом овладели укрепленной позицией белых в песках Джимбулака и совместно с частями 30-й стрелковой дивизии заняли Чонгарские укрепления. Буденновцы, выйдя на пути отхода противника, создали обстановку оперативного окружения белогвардейских соединений.

В холодную ночь с 7 на 8 ноября, в третью годовщину Великой Октябрьской социалистической революции, войска 6-й и 4-й армий двинулись в наступление на перекопском и чонгарском направлениях. Греясь у бивачных костров, буденновцы чутко прислушивались к раскатам орудийного грома, всматривались в порозовевшее от артиллерийских сполохов небо. Медленно объезжая на коне расположившихся на мерзлой земле бойцов, Семен Михайлович слышал, как они вполголоса пели. Он знал: песню сложил комиссар 11-й дивизии Павел Бахтуров, бывший учитель, человек богатырского роста с детски открытой душой:

Из лесов, из-за суровых, темных гор
Наша конница несется на простор.
На просторе хочет силушку собрать,
Чтоб последнюю буржуям битву дать.
Кликнул клич Буденный удалой:
«Эй, товарищи лихие, все за мной!
Эй, ребята, веселей, да не робей,

На врага пойдем лютого поскорей».
И несется наша конница вперед,
Кулакам-врагам поблажки не дает.
Эй вы, царские холопы, палачи,
Ну попробуй-ка, попробуй, подскочи!
Скоро, скоро всех врагов мы разобьем
И свободной, вольной жизнью заживем.
Постоим за наше дело головой.
Слава коннице буденновской лихой!

Не спали бойцы, не спал и командарм, знавший, какие труднодоступные твердыни предстояло преодолеть героическим стрелковым дивизиям Василия Блюхера и Ивана Грязнова. Мысленно он был уже с ними на линии огня, среди клубящихся облаков порохового дыма. Но надо было терпеливо ждать своего часа. 12 ноября после прорыва войсками Южного фронта перекопских и юшуньских позиций 1-я Конная вместе с другими соединениями вошла в прорыв и, преследуя врангелевцев, понеслась по открытым всем ветрам крымским степям к Симферополю и дальше на Севастополь.

Днем 14 ноября в Симферополе, занятом нашими передовыми отрядами, состоялось совещание Реввоенсоветов 1-й и 2-й Конармий. Связались с Севастопольским ревкомом. Севастополь ответил, что не сложивших оружие воинских частей белых в городе нет; Северная и Южная бухты свободны от неприятельских судов, лишь у Стрелецкой бухты стоят мелкие транспорты, принимая последних убегающих беляков.

Назавтра С. М. Буденный, поднявшись на Малахов курган, увидел Черное море и дымки пароходов, увозящих остатки врангелевской армии в Турцию. Внизу на улицах и площадях белокаменного города русской славы гремела медь полковых оркестров, развевались красные флаги, и население хлебом-

солью встречало украшенных красными бантами бойцов-освободителей. Вечером 16 ноября 1920 года с берегов Черного моря в Москву за подписями командарма 1-й Конной С. М. Буденного, члена Реввоенсовета 1-й Конной К. Е. Ворошилова, члена Реввоенсовета 2-й Конной армии Н. П. Горбунова и начдива-51 В. К. Блюхера в Москву В. И. Ленину была отправлена телеграмма, в которой говорилось: «Крым очищен от противника, всюду организуется Советская власть...»

А еще через день во всех эскадронах 1-й Конной, как и в других частях, был зачитан приказ по армиям Южного фронта. «Боевые товарищи — красноармейцы, командиры, комиссары,— писал в нем М. В. Фрунзе,— ценою наших героических усилий, ценою дорогой крови рабочего и крестьянина взят Крым. Уничтожен последний оплот и надежда русских буржуа и их пособников заграничных капиталистов...» Это был приказ, подводивший итоги полного разгрома последнего оплота контрреволюции, разгрома, означавшего окончание гражданской войны в европейской части Советской России.

Годы мира

Победа над Врангелем совпала для 1-й Конной с годовщиной ее создания. Год в жизни народа — небольшой отрезок времени, но буденновцы сделали за год многое. В связи с завершением разгрома врангелевских войск и праздником конармейцев Реввоенсовет 1-й Конармии отметил отвагу, доблесть и мужество бойцов, командиров и политработников торжественным приказом, зачитанным во всех эскадронах. Многие буденновцы были награждены орденами Крас-

ного Знамени и ценными подарками. Вручая награды, Семен Михайлович вспоминал этапы героического пути — Донбасс, Ростов-на-Дону, Егорлыкская, марш от Майкопа под Киев, сражения с белополяками, переход под Каховку, бои под Айгаманом и Отрадой, на Чонгаре... Скорбя душой, он поминал тех, кого сразила вражья пуля или свалил сабельный удар.

— Они легли в землю и стали частицей советской земли,— говорил Семен Михайлович,— но мы никогда не забудем их, и наши потомки вечно будут благодарны тем, кто ценой своей жизни отстоял великие завоевания Октября...

Недолго задержалась 1-я Конная у берегов Черного моря. Еще в ноябре 1920 года пришло распоряжение следовать на зимние квартиры в район Екатеринослава. Прибыв в знакомый город, Семен Михайлович направился в городскую библиотеку и вернул книги, взятые во время похода на польский фронт.

— Пригодились? — спросила командарма седая библиотекарша.

— Книги годятся в любом деле,— ответил Семен Михайлович и попросил «Войну и мир» Льва Толстого — произведение, которое порекомендовал ему прочесть М. В. Фрунзе. Теперь, когда наступили мирные дни, надо было читать и читать, учиться, наверстывать упущенное за годы войны.

В середине декабря 1920 года Реввоенсовет и политотдел 1-й Конармии созвали армейский съезд. На него собралось пятьсот делегатов. Они выслушали доклад К. Е. Ворошилова об очередных задачах Красной Армии. В обсуждении доклада приняли участие и старшие командиры, и политработники, и рядовые бойцы. Были приняты важные решения, касающиеся боевой подготовки, поддержания воин-

ской дисциплины, ликвидации махновщины. Командарм С. М. Буденный, член Реввоенсовета К. Е. Ворошилов и начдив С. К. Тимошенко были единогласно избраны делегатами на VIII Всероссийский съезд Советов.

И вот командиры-конармейцы в столице, слушают В. И. Ленина, выступающего с докладом о внешней и внутренней политике Советского правительства. Это была вторая, на всю жизнь запомнившаяся Семену Михайловичу встреча с В. И. Лениным. Приглашенный в президиум, он сидел неподалеку от Владимира Ильича и мог близко видеть, как вождь руководит работой съезда. Командарму было приятно услышать высокую оценку, данную В. И. Лениным последней блестящей операции Красной Армии.

— И мы должны были, чтобы закончить войну как можно скорее,— сказал Владимир Ильич,— прибегнуть к быстрому сосредоточению войск, чтобы нанести Врангелю решительный удар. Вы знаете, конечно, какой необыкновенный героизм проявила Красная Армия, одолев такие препятствия и такие укрепления, которые даже военные специалисты и авторитеты считали неприступными. Одна из самых блестящих страниц в истории Красной Армии — есть та полная, решительная и замечательно быстрая победа, которая одержана над Врангелем. Таким образом, война, навязанная нам белогвардейцами и империалистами, оказалась ликвидированной.

Слушая доклад, Семен Михайлович обдумывал каждое положение, высказанное В. И. Лениным. Было ясно, что, несмотря на победоносное окончание гражданской войны, ее очаги кое-где продолжают тлеть. Войска интервентов продолжают топтать дальневосточную землю; еще разгуливают банды махновцев на Украине и отряды басмачей в Средней

Азии. Да и невдалеке от Москвы, среди тамбовских перелесков, шныряет эсеровская банда атамана Антонова. Тревожные вести доносит балтийский ветер из Кронштадтской крепости, куда слетаются меньшевики и анархисты. «Выходит, рано вкладывать клинки в ножны и расседлывать коней»,— думал Семен Михайлович. И как бы перекликаясь с его тревожными мыслями, В. И. Ленин предупредил съезд:

— Не полагаясь на нанесенные уже империализму удары, мы свою Красную Армию во что бы то ни стало должны сохранить во всей боевой готовности и усилить ее боевую способность.

Захватил боевого командарма и выдвинутый В. И. Лениным грандиозный план электрификации страны — план ГОЭЛРО. В своих заметках о съезде для выступлений перед конармейцами Семен Михайлович записал крылатые слова Ильича: *«Коммунизм — это есть Советская власть плюс электрификация всей страны»*. Во время перерывов между заседаниями он старался быть поближе к В. И. Ленину, который подолгу беседовал с делегатами. Ильич говорил, что теперь, после разгрома Врангеля, главной задачей трудящихся является мирное хозяйственное строительство.

После закрытия съезда, на котором Буденного избрали членом ВЦИК, Семен Михайлович вернулся в родную 1-ю Конную. Там командарм узнал о тяжелой потере: в схватке с бандой махновцев погиб начдив Александр Пархоменко. Рассказывали, что смелый, талантливый командир попал в засаду и был убит махновцами. И надо было случиться такой беде! Сколько пережито вместе опасностей, сколько пуль и осколков пролетело над головой Сашка Пархоменко, и вдруг так нелепо погибнуть! Скорбело сердце Семена Михайловича и о других

храбрецах конармейцах, павших в непрекращающихся схватках с махновцами.

Особенность махновцев состояла в том, что они хорошо знали местность, никакой отличительной формы не носили, в случае опасности прятали оружие и растворялись среди населения. Кулаки охотно снабжали их подменными конями, продовольствием, фуражом. Отыскивая новые методы борьбы против махновцев, командарм все больше убеждался, что драться с ними надо, используя их же приемы. Против небольших, высокоподвижных отрядов Махно, которые за сутки совершали переходы по сто и более верст, надо действовать такими же небольшими подвижными группами. К подобной мысли пришел и командующий войсками Украины и Крыма М. В. Фрунзе. Из частей 1-й Конармии создали «летучие отряды». Это сразу повысило эффективность боевых действий. Для борьбы с бандами были привлечены местные партийные и советские организации.

Продолжая вместе с другими частями вести бои против махновцев, 1-я Конная к весне 1921 года оказалась в трудном положении. Из-за недостатка фуража на Екатеринославщине, из-за вспыхнувшей эпидемии сапа начался массовый падеж коней. Семен Михайлович, обеспокоенный бедой, решил написать В. И. Ленину обстоятельное письмо, в котором рассказал о состоянии 1-й Конармии и просил передислоцировать ее в другое место. Через некоторое время его просьба была удовлетворена.

С переходом 1-й Конной на Дон и Кубань С. М. Буденный был назначен членом Реввоенсовета Северо-Кавказского военного округа. В 1923 году он, став помощником Главкома Вооруженных Сил по кавалерии и членом Реввоенсовета СССР, переехал в Москву. Семену Михайловичу думалось: те-

перь он будет часто встречаться с В. И. Лениным, который так хорошо относится к нему. Но мечте этой не довелось сбыться — Владимир Ильич тяжело заболел. И вскоре из заснеженных подмосковных Горок пришла скорбная весть: Владимир Ильич Ленин скончался.

Семен Михайлович не мог сдержать слез, когда утром 22 января 1924 года вместе с делегатами XI Всероссийского съезда Советов слушал сообщение М. И. Калинина об этом печальнейшем событии. Мучительно тяжелой для всей страны, для трудящихся всего мира была эта утрата. Словно во сне Семен Михайлович провожал гроб с телом вождя на специальном поезде из Горок в Москву. Затем от Павелецкого вокзала шел в скорбной процессии по морозным улицам Замоскворечья вдоль тысячных толп народа. Гроб с телом Ленина несли на руках руководители партии и правительства, московские рабочие, крестьяне Подмосковья, военные.

Его установили в Колонном зале среди темно-зеленых пальм, красных знамен с широкими траурными лентами, венков из живых цветов. Четверо суток без перерыва в несколько потоков текла человеческая река мимо гроба Ильича. Семен Михайлович видел, как люди часами стояли на трескучем морозе, чтобы войти сюда. Многие приходили в Колонный зал с детьми, чтобы и те взглянули в лицо Ильича, запомнили его на всю жизнь. На прилегающих к Дому Союзов улицах горели костры, возле них собирались озябшие люди. Сколько таких костров во время походов 1-й Конной Семену Михайловичу приходилось видеть, сколько раз присаживался к ним рядом с бойцами! Он и теперь подходил то к одному, то к другому костру и повсюду слышал трогательные слова о Ленине. И сам рассказывал об Ильиче, о его заботах о Красной Армии. Среди бес-

конечных толп людей, приехавших из разных мест, он видел многих в шинелях и буденовках — они занимались уже мирным трудом, но их одежда напоминала о недавних сражениях за Советскую власть.

Хоронили В. И. Ленина на Красной площади в воскресенье, в четыре часа дня. Залпы прощального салюта и траурные гудки московских заводов в минуту внесения гроба с телом Ильича в деревянный Мавзолей долго звучали в ушах Семена Михайловича...

Через несколько месяцев, в апреле 1924 года, С. М. Буденного назначили инспектором кавалерии Рабоче-Крестьянской Красной Армии. На этом посту он бессменно находился в течение тринадцати лет, отдавая все силы укреплению кавалерийских частей, реорганизации и созданию новых конных заводов, улучшению пород кавалерийских коней. Его часто можно было видеть во Всесоюзном научно-исследовательском институте коневодства и на зональных опытных станциях, в зоотехнических институтах.

Развитие коневодства — лишь небольшая часть работы С. М. Буденного. Ему, как и другим высшим военачальникам Вооруженных Сил, приходилось заниматься многими делами. Дислокация войск, укомплектование их кадрами; строительство казарм, полигонов и стрельбищ; создание и внедрение в жизнь новых уставов и наставлений, разработка учебных программ; контроль за ходом боевой подготовки, выезды на войсковые учения и маневры — решение этих и многих других вопросов требовало серьезной теоретической подготовки. Жизнь шла вперед, военное дело развивалось, и Семен Михайлович стал все более ощущать потребность в расширении военно-теоретических познаний. Путь к этому был один — Военная академия.

С. М. Буденный не раз просил направить его на учебу, но он нужен был в наркомате, и его не отпускали. Но вот в 1930 году в Военной академии имени М. В. Фрунзе была образована особая учебная группа. Кроме Семена Михайловича в нее вошли бывшие командиры-конармейцы И. Р. Апанасенко, О. И. Городовиков, Д. Ф. Сердич, Е. И. Горячев и другие. Если все слушатели этой группы освобождались от служебных обязанностей по занимаемым должностям, то на инспектора кавалерии это не распространялось — он должен был учиться без отрыва от основной работы.

Программа была обширной. Она включала лекции и семинары по марксизму-ленинизму, занятия по тактике, военные игры на картах и решение тактических задач на местности, изучение оружия, а также новой техники. На стрельбищах и полигонах слушатели выполняли упражнения по стрельбе, водили танки, летали на самолетах. Они часто выезжали в части на полевые учения, выполняли обязанности войсковых посредников. Почти все лето 1932 года группа провела в лагерях, где слушатели приобретали навыки в руководстве учениями войск. С. М. Буденному было поручено руководить одним из таких учений в Ленинградском военном округе. А перед выпуском группа приняла участие в больших кавалерийских учениях на Украине.

Во время учебы Семен Михайлович испытывал острый недостаток времени. Пришлось составить жесткий распорядок дня. Выглядел он примерно так: 7 часов — подъем, физзарядка, завтрак; с 8 до 14 — занятия в академии по расписанию; с 14 до 15 — обед; до 23—24 — работа в инспекции кавалерии, в комиссиях, на различных конференциях; до 3 часов — подготовка к занятиям. И так каждый день. Два года наивысшего напряжения сил. На отдых и

сон оставались считанные часы. Только крепкое здоровье, хорошо закаленный организм мог выдержать столь серьезную нагрузку.

Трудными были эти годы. Но они многому научили С. М. Буденного, вооружили знаниями, умением обращаться с новой техникой. Для военачальника это было необходимо. Заканчивалась первая пятилетка. Индустриализация страны, создание отечественной оборонной промышленности позволили начать переоснащение всех видов Советских Вооруженных Сил более совершенной техникой. Встал вопрос о моторизации и механизации армии, для успешного решения которого С. М. Буденному, как и многим другим военачальникам, пришлось затратить много усилий. Знания, приобретенные в академии, помогали и в этой новой работе.

Росла Страна Советов, мужали ее люди. Имя Семена Михайловича Буденного все чаще произносилось рядом с самыми известными именами. Он был избран депутатом и членом Президиума Верховного Совета СССР, стал кандидатом, а затем и членом Центрального Комитета партии. К обязанностям Семена Михайловича как военачальника прибавилась большая государственная и общественная деятельность. Он часто выступал перед рабочими, колхозниками и интеллигенцией с докладами на политические и народнохозяйственные темы. Ежедневно почта доставляла десятки писем от бывших однополчан, от избирателей, от людей искусства, посвящавших свои труды людям и подвигам 1-й Конной. Исполняя депутатские обязанности, Семен Михайлович глубоко вникал в нужды людей.

В 1935 году пяти крупнейшим советским полководцам — К. Е. Ворошилову, А. И. Егорову, В. К. Блюхеру, М. Н. Тухачевскому и С. М. Буденному — правительство присвоило звание Маршала Со-

ветского Союза. Вскоре Буденный был назначен командующим войсками Московского военного округа. Старожилы столицы помнят первомайские и ноябрьские парады войск московского гарнизона. Это было великолепное зрелище. Командующий появлялся на Красной площади верхом на породистом скакуне золотистой масти. Мало кто так красиво и уверенно держался в седле, как Семен Михайлович.

Под руководством С. М. Буденного части и соединения округа ежегодно добивались высоких результатов в боевой и политической подготовке, умело действовали на учениях и маневрах. Нередко выступая на партийных собраниях и конференциях и рассказывая о строительстве социализма в стране, Семен Михайлович призывал армейских коммунистов к бдительности, к повышению боеготовности.

С. М. Буденного тревожила накалявшаяся международная обстановка. При поддержке международных финансовых магнатов правители фашистской Германии создавали крупнейшую армию. Гитлер и Муссолини помогали Франко задушить революцию в Испании. Неспокойно было и на Дальнем Востоке.

Как и многие другие советские военачальники, С. М. Буденный с удвоенной энергией работал над повышением боеготовности войск, как и прежде, много внимания уделял совершенствованию конницы. К тому времени из кавалерийских соединений ушло немало старых конармейцев во вновь созданные бронетанковые войска, в авиацию, в артиллерию. И хотя Семену Михайловичу всякий раз было жалко лишать конницу опытных командиров, он понимал: рода войск, обладающие могучей техникой, требуют обстрелянных, закаленных командиров.

В 1939 году Маршал Советского Союза С. М. Буденный был назначен заместителем наркома оборо-

ны СССР. Шла вторая мировая война. Боевые действия на Западе разворачивались стремительно. Гитлеровские войска захватили Польшу, в считанные недели оккупировали Бельгию и Францию. И хотя между СССР и Германией был заключен пакт о ненападении, по всему чувствовалось — тучи сгущаются, военная гроза надвигается и на нашу Родину. Как и других военачальников, Семена Михайловича охватывало чувство нарастающей тревоги за готовность войск к отражению возможного нападения фашистов.

И вот началась Великая Отечественная война. Она разразилась раньше, чем предполагали.

На полях Отечественной...

Ранним утром 22 июня 1941 года в Москву стали поступать сообщения о вероломном нападении гитлеровской Германии на нашу страну. Весь этот день С. М. Буденный провел в Наркомате обороны. Несметное число самых различных дел нахлынуло сразу. В стране объявлялась мобилизация, во всех приграничных республиках и во многих центральных областях вводилось военное положение. Из штабов военных округов непрерывным потоком поступали боевые донесения, шли запросы, требовавшие немедленных ответов. На оперативной карте С. М. Буденного все больше появлялось синих стрел, обозначавших направления ударов врага.

В ожесточенном сражении, развернувшемся на огромном фронте от Заполярья до Черного моря, советские воины показывали чудеса отваги, массового героизма. Грудью встретив внезапное вероломное нападение гитлеровских полчищ, они самоотвержен-

но защищали каждую пядь своей земли. Однако враг, несмотря на огромные потери, сумел во многих местах продвинуться на десятки километров. Сложная обстановка диктовала: надо в упорных боях измотать и обескровить врага, остановить его, казалось бы, неудержимое продвижение в глубь советской территории.

23 июня по решению СНК и ЦК ВКП(б) была образована Ставка Главного Командования, в состав которой вошел и С. М. Буденный. Она приняла решение использовать войска, выдвигаемые из глубины страны, для создания устойчивого фронта обороны на рубеже рек Западная Двина и Днепр. Из четырех армий была создана группа войск, на которую возлагалась задача занять оборонительный рубеж на весьма широком фронте — от Невеля до Кременчуга, чтобы еще на подступах к нему остановить гитлеровцев. Командующим этой группой армий резерва Главного Командования был назначен С. М. Буденный. Он выехал под Брянск, к месту расположения своего штаба.

Специальный поезд из нескольких вагонов обгонял двигавшиеся к фронту эшелоны. Глядя из окна купе на вагоны с красноармейцами и платформы с пушками и танками, на встречные поезда с первыми беженцами, Семен Михайлович мысленно переносился к далеким годам гражданской войны, в памяти возникали эпизоды пережитого. Он понимал, что началась война, совсем не похожая на то, что довелось пережить в пору борьбы с белогвардейцами и интервентами. Новый враг сильнее и коварнее. Во много раз крупнее и масштабы операций, которыми предстояло руководить. Маршал верил в силы народа, в стойкость советских воинов, был убежден, что в конце концов враг будет остановлен, разгром-

лен и повернет вспять. Но как, где и когда это произойдет? Резервные армии, которыми ему поручили командовать, движутся к фронту по железной дороге, которую нещадно бомбят фашистские бомбардировщики, вступают в бой по частям. Связь с ними неустойчива; донесения приходят с опозданием...

Не успел Семен Михайлович обосноваться в Брянске, как последовала новая директива: группе войск резерва Главного Командования изменить фронт обороны. Это требовало перемещения армий на весьма значительные расстояния — от пятидесяти до двухсот километров. Сложный маневр надо было выполнить в стороне от железных дорог, под непрерывными бомбежками. Штабу группы предписывалось перебазироваться в Смоленск, войскам ставилась задача, которую выполняли все войска Западного фронта,— нанести врагу мощные контрудары и не допустить его прорыва на Москву. С этой целью резервные армии переподчинялись Западному фронту. Командующим фронтом назначался народный комиссар обороны С. К. Тимошенко. По его просьбе заместителями к нему направили С. М. Буденного и генерала А. И. Еременко.

Наступление гитлеровцев проходило при их подавляющем превосходстве в силах как на земле, так и в воздухе. Командование Западного фронта прилагало все усилия к тому, чтобы остановить врага, нанести ему максимальный урон. На подступах к Западной Двине и Днепру фашистские войска встретили сильный отпор подходивших туда наших стратегических резервов. Передовые танковые части противника были контратакованы. В организации этих контратак принял непосредственное участие и Маршал Советского Союза С. М. Буденный, выехавший на передовые позиции. И хотя сбить противника с захваченной им территории на восточном

берегу Западной Двины не удалось, его дальнейшее продвижение было задержано на несколько суток. В это же время южнее, в районе Орши, наши войска нанесли сильный контрудар во фланг танковой группировки гитлеровцев. Таким образом, к концу первой декады июля наступление одной из самых мощных фашистских группировок было приостановлено на всем фронте обороны.

Семен Михайлович Буденный в эту горячую пору держал связь со штабами армий, сутками не выходил из машины, появляясь то в одной, то в другой дивизии.

10 июля Государственный Комитет Обороны принял постановление об образовании трех главных командований: Северо-Западное направление возглавил К. Е. Ворошилов, Западное — С. К. Тимошенко и Юго-Западное — С. М. Буденный.

Тепло распрощавшись с товарищами по Западному фронту, где, по всему было видно, предстояли еще тяжелые бои на дальних и ближних подступах к Москве, Семен Михайлович выехал в Киев. Дорога была каждая минута. Гитлеровцы вот-вот нависнут над столицей Украины. Нужно было мобилизовать все ресурсы для обороны Киева. Но и на всем Юго-Западном направлении обстановка сложилась тяжелая. Хотя войска Южного фронта еще сдерживали врага в Молдавии, их флангам и тылам угрожали гитлеровские соединения, с которыми мужественно сражались части Юго-Западного фронта.

Танки противника прорвались к Киеву и были остановлены всего в полутора десятках километров от города на рубежах реки Ирпень. Оборонительная полоса протяжением в полсотни и глубиной до десяти километров неровной дугой охватывала город с запада. Советскими войсками и народными ополченцами гитлеровцы были задержаны там на два с

лишним месяца. Создавались партизанские отряды для действий на оккупированной врагом территории. Маршал С. М. Буденный выступал перед партизанами, которые должны были отправиться во вражеский тыл, давал им практические советы.

В полосе действий Юго-Западного фронта основным угрожающим направлением являлось киевское. На Южном фронте наиболее опасное положение складывалось в районе Одессы. Находившиеся там части сухопутных войск и черноморские моряки, не щадя жизни, сражались с наседавшим врагом. Командование Юго-Западного направления, маневрируя имеющимися у него силами, старалось сдержать врага на более чем пятисоткилометровом фронте. Гитлеровцам ценой больших потерь удалось форсировать Днепр юго-восточнее Кременчуга и, захватив плацдарм, сосредоточить на нем крупные силы. В то же время севернее Киева фашистские танковые части прорвались значительно восточнее Днепра.

— Обстановка сложилась тяжелая,— доложил С. М. Буденному командующий Юго-Западным фронтом генерал-полковник М. П. Кирпонос,— без ввода в бой крупных резервов спасти положение невозможно...

Семен Михайлович понимал, что надо было отводить части на другие рубежи. Положение усугублялось тем, что Киев и оборонявшие его войска оказались как бы в вершине выступа, глубоко вдававшегося в оперативное построение неприятельских армий, и противник ударами с севера и юга по основанию этого выступа мог окружить киевскую группировку советских войск. Единственный выход из критического положения командование Юго-Западного направления видело в отводе войск, для того чтобы

выровнять линию фронта и создать более плотную оборону на одном из тыловых рубежей.

На следующий день в штаб прибыл Маршал Советского Союза С. К. Тимошенко, назначенный новым командующим войсками Юго-Западного направления. Маршалу Советского Союза С. М. Буденному предписывалось вступить в должность командующего войсками Резервного фронта. А тем временем гитлеровские танковые дивизии перехватили тыловые коммуникации Юго-Западного фронта. Через несколько дней после ожесточенных боев наши войска оставили Киев. Находясь в Подмосковье, на новой должности, Семен Михайлович продолжал жить событиями под Киевом. Горечь происшедшего скрашивало лишь сознание того, что столь печально закончившиеся бои причинили врагу огромный урон, отвлекли его значительные силы с московского стратегического направления.

В Подмосковье шли осенние дожди, с каждым днем холодало, местами выпадал снег, мешая оборонительным работам. Но на фронте было жарко. Гитлеровцы подготовили силы для первого «генерального» наступления на Москву. В их группировке насчитывалось семьдесят пять дивизий. Этой силе противостояли войска трех фронтов — Западного, Брянского и Резервного, в который входило шесть армий. Четыре из них занимали оборону позади войск Западного фронта, составляя второй оперативный эшелон, а две армии — на левом крыле Западного фронта.

Личный состав войск Резервного фронта — в основном недавно призванные на военную службу люди старших возрастов и бойцы народного ополчения. Среди них было много рабочих, учителей, инженеров, работников культуры и искусства. Знакомясь с войсками, С. М. Буденный на биваках и в траншеях

нет-нет да и встречал ветеранов гражданской войны. Их легко можно было отличить по тому, как сноровисто они обращались с оружием, копали окопы. Вокруг них собиралась необстрелянная молодежь. Среди ветеранов зоркий глаз полководца подмечал тех, кто в давние годы сражался в рядах 1-й Конной.

— Ваша задача,— обращаясь к ним, говорил Семен Михайлович,— воспитывать и обучать военному делу людей, еще не опаленных огнем.

По его указанию опытные воины учили ополченцев стрельбе, штыковому бою, умению разбираться в минах, окапываться, бросать гранаты и бутылки с горючей жидкостью.

30 сентября гитлеровское командование приступило к выполнению операции «Тайфун» — плана захвата Москвы. Основные силы противника обрушились на соединения Западного и Резервного фронтов. Гитлеровцы применили свою излюбленную тактику, бросив вперед танковые соединения, поддерживаемые крупными силами авиации. Их дивизии наступали вдоль шоссейных и железных дорог, ведущих к Москве. Наиболее угрожаемое положение на участках обороны Резервного фронта создалось на левом фланге. С. М. Буденному пришлось направить туда свои резервы, но восстановить положение не удалось. Противник продолжал развивать успех и на ряде участков обороны Западного фронта. Ставка разрешила войскам Резервного фронта отойти на тыловой рубеж.

Несмотря на потери, гитлеровцы продвигались вперед. Им удалось прорваться в центре Западного фронта. Крупная группировка наших войск в районе Вязьмы попала в окружение. Оборвалась связь и с командующим Западным фронтом, и со Ставкой. Пытаясь найти какую-нибудь еще сохранившуюся

линию связи, Семен Михайлович приехал в Малоярославец. В райкоме партии, где сколачивался партизанский отряд, он встретился с генералом армии Г. К. Жуковым.

Там, в одной из комнат Малоярославецкого райкома партии, военачальники договорились, что С. М. Буденный немедленно направится в свой штаб и оттуда доложит Ставке о положении дел, а Г. К. Жуков поедет в район Юхнова и Калуги, чтобы на месте разобраться в обстановке, отдать необходимые приказы.

Через несколько дней Государственный Комитет Обороны и Ставка Верховного Главнокомандования для усиления войск, прикрывавших столицу, передали армии Резервного фронта в состав Западного фронта. С. М. Буденный возвратился в Москву. Столица в те дни приобретала облик прифронтового города. Государственный Комитет Обороны объявил Москву на осадном положении. Сотни тысяч москвичей вышли на строительство оборонительных рубежей. Сила сопротивления советских войск, мужественно сражавшихся на подступах к Москве, возрастала. Тем временем в тылу готовились крупные резервы. В числе их, по предложению Буденного. были и кавалерийские корпуса, нужные для развития успеха при переходе в контрнаступление.

В начале ноября первое наступление фашистов на Москву выдохлось. Гитлеровцы были остановлены. В день 24-й годовщины Великого Октября в Москве на Красной площади состоялся традиционный военный парад.

Всю ночь мела метель, припорошила снегом Красную площадь и островерхие ели возле Кремлевской стены. Утром по всей площади от Исторического музея до храма Василия Блаженного выстроились войска, направляющиеся на фронт. При-

нимающий парад Маршал Советского Союза С. М. Буденный объехал полки, поздравляя воинов с всенародным праздником. Перед участниками парада выступил Председатель Государственного Комитета Обороны И. В. Сталин. «На вас,— сказал он,— смотрит весь мир, как на силу, способную уничтожить грабительские полчища немецких захватчиков... Пусть осенит вас победоносное знамя великого Ленина!»

Через неделю враг начал второе «генеральное» наступление на Москву, которое ценой невероятных усилий было приостановлено советскими войсками. А затем в первых числах декабря последовало решительное контрнаступление на московском стратегическом направлении трех фронтов — Калининского, Западного и Юго-Западного. Занималась заря будущих побед Красной Армии.

С. М. Буденного радовало, что в эти успехи был вложен и ратный подвиг конных соединений: 1-го гвардейского кавалерийского корпуса, сражавшегося под Каширой и Тулой, а затем ушедшего в глубокий рейд по тылам противника в район Дорогобужа и Ельни; 2-го гвардейского кавалерийского корпуса, отважно воевавшего на правом крыле Западного фронта. В условиях зимнего бездорожья, морозов, метелей и снегопадов конники проходили там, где застревали танки, где не могли двигаться бронетранспортеры и грузовики. Они появлялись там, где меньше всего их ждал противник, смело нападали на штабы и аэродромы, взрывали мосты, поджигали склады с горючим и боеприпасами, контролировали дороги.

Ожесточенная борьба с врагом продолжалась. Весной и летом 1942 года крупные события происходили на юге Советского Союза, где гитлеровское командование развернуло широкое наступление.

Эти события застали Маршала Советского Союза С. М. Буденного на посту командующего Северо-Кавказским фронтом. В его подчинение входили войска нескольких армий, оборонявших восточный берег Азовского моря, Керченский пролив и берег Черного моря. В оперативном отношении Северо-Кавказскому фронту подчинялся Черноморский флот и Азовская военная флотилия. Правее, по левому берегу Дона, оборонялись сильно поредевшие в боях армии Южного фронта.

С тревогой следил Семен Михайлович за наступлением гитлеровцев, развернувшимся сначала под Воронежем, столь памятном ему по 1919 году, а затем и на сталинградском направлении. В оперативных сводках назывались знакомые города и села, оказавшиеся в руках врага. Их становилось все больше и больше. И повсюду пожары, кровь, убийства мирных жителей. Противник наступал на Сталинград. Вот-вот следовало ожидать его удара на Ростов и дальше на Кавказ. Принимались неотложные меры по повышению боеготовности частей и соединений. При помощи партийных и советских организаций Ставропольщины и Кубани развернулось строительство оборонительных рубежей на берегах Кубани, Еи, Белой, Егорлыка...

Хорошо зная местность, где в годы гражданской войны сражалась 1-я Конная, командующий фронтом намечал места основных узлов сопротивления. Вместе с политработниками фронта и местными партийными организациями он провел большую работу, мобилизуя трудящихся для неотложных дел — эвакуации промышленных предприятий, вывоза зерна нового урожая, перегонки скота. С. М. Буденный был неутомим. Появляясь то в одном, то в другом районе Северного Кавказа, он выступал и перед воинами, и на митингах рабочих и колхозников.

Рассказывая о сложном положении, складывающемся на фронте, призывал людей, если понадобится, во всеоружии встретить врага. Многие кубанские казаки по его призыву шли в армию, образуя добровольческие полки и дивизии.

В конце июля 1942 года группа немецко-фашистских армий ринулась в наступление с рубежа Дона. Массированные налеты «юнкерсов» порвали связь, нарушили управление войсками. Чтобы улучшить руководство ими, Ставка Верховного Главнокомандования объединила Южный и Северо-Кавказский фронты в один — Северо-Кавказский под командованием Маршала Советского Союза С. М. Буденного. На этом фронте были созданы две оперативные группы — Донская и Приморская. В боях они показали образцы героизма.

Под станицей Кущевской донские казаки в конном строю успешно атаковали танки противника. Семен Михайлович донес в Ставку о подвиге конников. Наутро связные самолеты доставили московские газеты, которые писали: «Воевать так, как воюют кубанские казаки!»

В результате упорного сопротивления советских воинов гитлеровцам не удалось окружить и уничтожить части Северо-Кавказского фронта, действовавшие между Доном и Кубанью. Противник попытался ударами на Армавир, Майкоп и Туапсе отрезать советские войска и уничтожить их в узком треугольнике Новороссийск — Краснодар — Туапсе. Командование фронта выдвинуло на угрожаемое направление зарекомендовавшие себя в боях на Украине 18-ю и 12-ю армии. Туда же были направлены кубанский кавкорпус, а также гвардейская стрелковая дивизия, состоявшая из парашютистов-десантников. Разгорелись ожесточенные бои. Вражеский альпийский корпус «Эдельвейс» наступал по изви-

листому Туапсинскому шоссе. Все усилия альпийских стрелков разбивались о стойкую оборону казачьих дивизий, десантников и морской пехоты. Врагу не удалось достичь Туапсе. Войска Северо-Кавказского фронта остановили его и в районе Новороссийска. Ставка Верховного Главнокомандования положительно оценивала эти действия, облегчившие положение наших армий, сражавшихся на берегах Волги, под Сталинградом.

Вскоре С. М. Буденному была поручена новая работа — он стал командующим кавалерией Красной Армии. Опыт войны подсказывал, что в тесном взаимодействии со стрелковыми и механизированными соединениями конница способна решать важные оперативно-тактические задачи. И когда в Ставке Верховного Главнокомандования и в Генеральном штабе разрабатывалась операция по разгрому фашистов под Сталинградом — план «Уран», С. М. Буденный предложил включить в ударные группировки наряду с танковыми соединениями и кавалерийские дивизии. Предложение было принято.

19 ноября 1942 года после мощной артиллерийской подготовки войска Юго-Западного и Донского, а на следующий день и Сталинградского фронта перешли в контрнаступление и взломали вражескую оборону. В горловины прорыва вместе с танкистами вошли конники. Они громили резервы противника, окружали его дивизии. 23 ноября советская конница прорвалась на западный берег Дона севернее Калача. Одновременно сюда же подошли танковые и механизированные части. Кольцо окружения более чем трехсоттысячной группировки гитлеровцев замкнулось. В заключительном этапе грандиозной битвы на Волге при попытке врага вырваться из окружения, при его окончательном разгроме конники также действовали решительно, смело.

В это же время — в январе и феврале 1943 года — соединения донских и кубанских казаков, действовавшие на южном участке фронта, неотступно преследовали противника, откатывавшегося от предгорий Кавказа до реки Миус. По предложению С. М. Буденного они объединились с танкистами в подвижную конно-механизированную группу. Не давая гитлеровцам закрепиться на промежуточных рубежах, советские кавалеристы форсировали Дон, создали благоприятные условия для освобождения Ростова. За месяц донцы и кубанцы, действуя в авангарде наших войск, с боями прошли более семисот километров.

Клич, брошенный Маршалом Советского Союза С. М. Буденным в горькое лето сорок второго года на Дону и Кубани, о формировании казачьих полков принес свои плоды. Семену Михайловичу припомнилось, как посланный им в кубанские станицы известный конник генерал Н. Я. Кириченко, обратившись к старым казакам, быстро создал дивизию, вскоре переросшую в 4-й Кубанский гвардейский кавалерийский корпус; как к командиру другой кавдивизии А. Г. Селиванову явился пятидесятичетырехлетний председатель колхоза Константин Недорубов, георгиевский кавалер полного банта, и привел с собой сотню донских казаков, жителей своей станицы, отлично экипированных, на ладных кавалерийских конях. Вскоре К. Недорубову за боевые подвиги было присвоено звание Героя Советского Союза. Из народных ополченцев были сформированы три новые дивизии, которые своим мужеством и отвагой добыли кавалерийскому соединению почетное звание 5-го гвардейского казачьего корпуса.

Население Северного Кавказа с радостью встречало воинов-освободителей, оказывало им помощь всем, чем только могло. Краснодарский крайком

партии через несколько дней после изгнания гитлеровцев из Краснодара принял решение пополнить 4-й Кубанский гвардейский кавкорпус казаками-добровольцами. Около восьми тысяч кубанских кавалеристов по зову партии пришли в корпус — коммунисты, комсомольцы, партизаны гражданской и Великой Отечественной войн.

Конники были в числе первых соединений, стремительно вышедших на берега Днепра и преодолевших эту широкую водную преграду. И в преследовании неприятеля, и в переходе через Днепр был во многом использован опыт 1-й Конной. Кавалеристы-гвардейцы приняли участие в освобождении Киева, в боях на Десне и в других операциях 1943 года.

С. М. Буденный вел большую организаторскую работу. Приходилось решать множество разнообразных вопросов, встречаться с десятками людей, отвечать на сотни писем и телеграмм. С. М. Буденный занимался формированием кавалерийских соединений, пополнением их офицерскими кадрами, обеспечением частей оружием, боеприпасами, фуражом. А так как кавалерийские соединения находились почти на всех фронтах, то приходилось поддерживать связи и с командующими фронтами. Все они знали Семена Михайловича, уважали его, считались с высказываемыми мнениями по вопросам боевого использования конницы. Многие командующие фронтами и общевойсковыми армиями в годы гражданской войны служили в 1-й Конной.

Наступал 1944 год. В Ставке и в Генеральном штабе разрабатывались планы новых сокрушительных ударов по врагу. Положительный опыт создания конно-механизированных групп приводил к мысли, что подобные высокоподвижные объединения могут в намечаемых операциях быстро проникать в глубину расположения противника, перере-

зать его коммуникации, уничтожать штабы, громить резервы, нарушать систему управления и снабжения войск, способствовать окружению крупных группировок. С. М. Буденный был одним из горячих сторонников создания таких конно-механизированных групп, принимал деятельное участие в разработке тактики их боевого применения.

В боевую летопись советской кавалерии вписывались новые страницы. Конно-механизированные группы участвовали в Корсунь-Шевченковской, Одесской, Львовско-Сандомирской операциях, в боях с врагом на землях Польши, Румынии, Чехословакии, Венгрии, Австрии. Усилиями всех родов войск осуществлялся победный штурм Берлина.

Вскоре после того как над поверженным фашистским рейхстагом взвилось знамя Победы, «Правда» опубликовала портреты двадцати двух выдающихся полководцев антигитлеровской коалиции. Среди них был и портрет Маршала Советского Союза С. М. Буденного. Его фотографии печатали газеты и журналы многих стран.

И вот — исторический парад Победы на Красной площади. Через четыре года после начала Великой Отечественной войны, закончившейся всемирно-исторической победой Советских Вооруженных Сил, в Москву приехали воины-победители из частей всех фронтов, всех родов войск. Сводные полки во главе с командующими фронтами торжественным маршем проходили мимо Мавзолея В. И. Ленина. На трибуне рядом с руководителями Коммунистической партии и Советского правительства, вместе с виднейшими полководцами Вооруженных Сил стоял и Маршал Советского Союза Семен Михайлович Буденный.

Когда победой советского народа закончилась Великая Отечественная война, С. М. Буденному исполнилось шестьдесят два года. Жизнь народного героя попрежнему была наполнена большой партийной, государственной и общественной деятельностью. С довоенной поры, в течение почти сорока лет на всех съездах партии С. М. Буденный избирался в состав ее Центрального Комитета; был депутатом Верховного Совета СССР всех созывов, членом Президиума Верховного Совета СССР.

Многогранной и плодотворной была повседневная работа С. М. Буденного. Сколько волнующих встреч с пионерами и комсомольцами, с воинами, рабочими, колхозниками и интеллигенцией! Народный полководец был частым гостем центральных клубов ученых, литераторов, журналистов, актеров, архитекторов, художников. О подвигах 1-й Конной и ее легендарном командарме написано много книг, создана обширная галерея картин. Бойцы и командиры 1-й Конной, гвардейских кавалерийских дивизий Великой Отечественной войны — герои многих художественных кинофильмов. Им посвятили свою музыку советские композиторы.

Страстное слово, зовущее к подвигу, звучало и в публицистических статьях, и в военно-теоретических работах С. М. Буденного. Интересны и поучительны его автобиографические записки «Пройденный путь».

За послевоенные годы почта Семена Михайловича составила многие тысячи писем. Они приходили в Москву со всех концов страны и из-за рубежа. В каждом из писем простые слова, искренние человеческие чувства, сердечная любовь и уважение к народному герою.

С глубокой скорбью восприняли все советские люди весть о том, что 26 октября 1973 года на девяносто первом году жизни скончался прославленный герой гражданской и Великой Отечественной войн, один из активных строителей Советских Вооруженных Сил, выдающийся полководец, кандидат в члены ЦК КПСС, член Президиума Верховного Совета СССР, трижды Герой Советского Союза Маршал Советского Союза Семен Михайлович Буденный. Траурную вахту у его гроба несли члены Политбюро ЦК КПСС во главе с Генеральным секретарем Центрального Комитета партии Л. И. Брежневым, военачальники Советских Вооруженных Сил, министры, соратники-конармейцы, рабочие, труженики сельского хозяйства, ученые, деятели науки и культуры, воины Советской Армии и Военно-Морского Флота, наши зарубежные друзья. На траурную церемонию в день похорон С. М. Буденного у Кремлевской стены на Красной площади собрались многие тысячи трудящихся столицы. Проводить в последний путь народного героя Страны Советов пришли и делегаты проходившего в ту пору в Москве Всемирного конгресса миролюбивых сил. Ведь мужественно сражаясь за социалистическое Отечество, С. М. Буденный сражался за мир во всем мире.

В эти печальные дни невольно припомнилась последняя встреча с Семеном Михайловичем в канун его девяностолетия. Память отчетливо сохранила впечатления от нашей поездки в подмосковный дачный поселок, где в небольшом светлом домике среди берез и разлапистых елей последнее время жил человек неповторимой судьбы.

Беседа наша, дружеская, сердечная, протекала в кабинете радушного хозяина. Здесь все располагало к раздумьям и труду. На небольшом письменном столе возле окна ничего лишнего: подставка для

авторучек, часы, календарь с пометками, крупнографитный карандаш — подарок донбасских горняков, да уральский самоцвет с миниатюрным изображением В. И. Ленина. Под настольным стеклом перечень выписанных на дачу центральных газет и журналов. За письменным столом во всю стену — книжный шкаф. В нем тома Полного собрания сочинений В. И. Ленина, книги по истории партии, произведения советских и зарубежных писателей, военная и мемуарная литература. На отдельной полке — воспоминания Семена Михайловича «Пройденный путь», его другие литературные труды.

В углу на рояле — большая фотография: объектив запечатлел С. М. Буденного в дружеском объятии с К. Е. Ворошиловым. Выполняя волю партии, бывший луганский слесарь и бывший станичный батрак плечом к плечу стояли у колыбели рождающейся в боях рабоче-крестьянской армии. Сколько раз в лихолетье гражданской войны, стремя к стремени, они увлекали в атаки конармейские лавы и, врубаясь в боевые порядки белых полков, добывали победы под Царицыном и Воронежем, на Дону и Кубани, на Украине, в Таврии и Крыму. На фотографии боевые друзья в маршальских мундирах. Звание Маршала Советского Союза было присвоено им одним и тем же постановлением ЦИК и СНК. Отдавая все силы строительству Советских Вооруженных Сил, они рука об руку шли все время, предшествовавшее Великой Отечественной войне. А когда она разразилась, активно участвовали в руководстве боевыми действиями войск. Много сложных вопросов довелось решать им вместе с другими советскими военачальниками в течение всей войны — и как членам Ставки Верховного Главнокомандования, и на полях сражений.

В непринужденном нашем разговоре с Семеном

Михайловичем выяснилось, что у него, семь десятков лет назад надевшего солдатскую гимнастерку, сохранилась привычка строго, по-армейски соблюдать распорядок дня. Он начинался ранним утром посильной по возрасту, но довольно энергичной физзарядкой. После прогулки на свежем воздухе маршал обычно брался за работу над почтой, над документами, приходившими к нему как кандидату в члены Центрального Комитета партии, депутату и члену Президиума Верховного Совета СССР, члену президиума ЦК ДОСААФ, над гранками и рукописями военных мемуаров. А после обеда — небольшой отдых, прогулка; в вечерние часы — чтение, телевизор, задушевные беседы с женой Марией Васильевной и внуками. По праздникам приезжали сыновья Сергей и Михаил с женами, дочь Нина с мужем. И тогда на даче становилось особенно оживленно.

За несколько недель до девяностолетия в жизни Семена Михайловича произошло волнующее событие — ему был вручен партийный билет нового образца — № 01780011. Бережно раскрыв его, маршал долго смотрел на столь близкий сердцу портрет В. И. Ленина. Ведь весь свой век Семен Михайлович прожил, как бы советуясь с В. И. Лениным.

Хорошо известно, как высоко ценил В. И. Ленин боевые и революционные качества командира конников. Видная революционерка Клара Цеткин в своих воспоминаниях приводит высказывание Владимира Ильича: «Наш Буденный сейчас, наверно, должен считаться самым блестящим кавалерийским начальником в мире. Вы, конечно, знаете, что он — крестьянский парень. Как и солдаты французской революционной армии, он нес маршальский жезл в своем ранце, в данном случае — в сумке своего седла. Он обладает замечательным стратегическим инстинктом. Он отважен до сумасбродства, до безумной

дерзости. Он разделяет со своими кавалеристами все самые жестокие лишения и самые тяжелые опасности».

— А когда, Семен Михайлович, произошла ваша последняя встреча с Владимиром Ильичем?

— Почти полвека назад, в конце 1923 года...

И потеплевшим голосом маршал рассказал о том, как еще на IX Всероссийском съезде Советов, когда был решен вопрос о подготовке Всероссийской сельскохозяйственной выставки, В. И. Ленин, беседуя с военными, спросил: а не назначить ли Буденного ее комендантом? Хотя в связи с особой занятостью Семена Михайловича как командующего войсками Северо-Кавказского военного округа предложение это не осуществилось, он, переехав на новое место службы в Москву, был привлечен к работе по организации выставки. 19 октября 1923 года С. М. Буденный вместе с членами Главного выставочного комитета встречал В. И. Ленина, побывавшего на территории выставки в последний свой приезд из Горок.

Напротив письменного стола, за которым обычно все последнее время трудился Семен Михайлович, большая, писанная маслом картина — на пастбище конного завода табуны тонконогих строевых лошадей. Полотно переехало на дачу из московской квартиры Буденных. Полное солнца и света, оно как бы передавало пряные запахи родных Сальских степей, радовало глаз заядлого конника. Рядом — искусно изваянная гордая голова любимца Семена Михайловича, коня по кличке Цилиндр. И тут же — макеты современного оружия: самолетов, танков, подлодок, радиолокаторов, ракет. Уловив наш взгляд, Семен Михайлович с улыбкой заметил:

— Раньше побеждали клинки да тачанки. А теперь у нас — ракеты и танки!..

Нередко на даче происходили радушные встречи

с земляками, однополчанами, деятелями культуры, молодежью, иностранными гостями. Так случилось и в тот день — к Семену Михайловичу, председателю Общества советско-монгольской дружбы, приехали монгольские товарищи.

— Буян болтога,— по-монгольски приветствовал их маршал.

Из поездок в зарубежные страны (а ему довелось побывать еще в Турции, Австрии, Чехословакии и ГДР) С. М. Буденный особенно хорошо запомнил братскую Монгольскую Народную Республику, ее трудолюбивых людей. С большим интересом он выслушал рассказы монгольских друзей о последних достижениях народного хозяйства страны, ее новостройках. А затем, за чаем, поделился с гостями эпизодами из своего боевого прошлого.

Из школы возвратились внучата Алеша и Маша. Не прошло и пяти минут, как они притащили проигрыватель и пластинку, подаренную композитором Дмитрием Покрассом, бывшим конармейцем. Зазвучала знакомая призывная мелодия, и все мы, поглядывая на смеющегося Семена Михайловича, вполголоса стали подпевать: «Буденный наш братишка, с нами весь народ!..»

— Сколько врагов порубал, а с возрастом совладать трудновато,— шутливо сокрушался Семен Михайлович.

Слов нет, порою ему недужилось: побаливали старые сабельные и осколочные раны; в его сильном теле засела вражья пуля. Но, вглядываясь в живое лицо маршала, вслушиваясь в его уверенную речь, подчиненную логике ясного мышления, мы ощущали, каким могучим духом обладал этот необыкновенный человек. Помнится, как-то Юрий Гагарин чистосердечно поделился впечатлениями о встрече с С. М. Буденным: «Вот старик так старик!»

И тут хочется повторить уже сказанное нами однажды: сколь прекрасна старость, если ей завидует молодость!

Быстро пролетело несколько удивительных, приятных часов. На вопрос, что передать читателям «Правды», Семен Михайлович выразил такие пожелания:

— Тем, кто трудится в городах и на селе,— успехов в социалистическом соревновании, вдохновенного выполнения задач, поставленных XXIV съездом нашей партии...

Воинам армии и флота — безукоризненного владения боевой техникой и оружием, честной службы народу...

Комсомольцам, всей нашей молодежи — свято хранить традиции отцов и дедов, быть, как и они, верными патриотами Отчизны...

Зарубежным друзьям — успехов в борьбе за мир.

...Уже уходя, заметили на вешалке походную плащ-палатку, а рядом с парадной маршальской фуражкой — полевую, цвета хаки.

— Чья?

— Семена Михайловича...

И тут припомнилось: когда однажды в Кремле Л. И. Брежнев, горячо поздравляя маршала, вручал ему высокую награду Родины, Семен Михайлович взволнованно сказал: «Пока бьется сердце, оно принадлежит партии, народу».

Как и у каждого советского воина, у него до последнего дня жизни все было наготове. Кажется, прозвучи призывный сигнал горниста, и легендарный маршал тотчас, с полной боевой выкладкой встал бы в строй защитников Родины. Таким он — солдат революции, коммунист, полководец — навсегда сохранится в памяти советских людей, всего нашего народа, строящего коммунизм.

Содержание

Борзенко Сергей Александрович,

Денисов Николай Николаевич

НАШ БУДЕННЫЙ

На первой странице обложки:
Семен Михайлович Буденный. 1963 г.
Фото А. Григорьева

Заведующий редакцией *А. И. Котеленец*

Редактор *И. В. Чулочникова*

Младший редактор *М. С. Анисимова*

Художественный редактор *Г. Ф. Семиреченко*

Технический редактор *О. М. Семенова*

Сдано в набор 24 января 1974 г. Подписано в печать 26 марта 1974 г. Формат $70 \times 108^{1}/_{32}$. Бумага типографская № 1. Условн. печ. л. 6,3. Учетно-изд. л. 5,73. Тираж 200 тыс. экз. А00094. Заказ № 3180. Цена 23 коп.

Политиздат. Москва, А-47, Миусская пл., 7.

Ордена Ленина типография «Красный пролетарий». Москва, Краснопролетарская, 16.

ПОЛИТИЗДАТ · 1974